

ЛУПЕТТА

ПАВЕЛ ВАДИМОВ

Современная русская проза

импринт

КОМАРОВО

Павел Вадимов

Лупетта

«Издательские решения»

Вадимов П.

Лупетта / П. Вадимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857678-2

Страсть и смерть переплелись в романе Павла Вадимова так, что не разорвать. Мучительно конкретная история болезни эхом отдается в мучительно откровенной истории любви. Блистательный прозаический дебют молодого автора из Петербурга. Повествование ведется от первого лица, одна сюжетная линия — линия автора, два практически непересекающихся действия: любовь к Лупетте и жизнь с лимфомой в «зале ожидания смерти» — онкологическом отделении.

ISBN 978-5-44-857678-2

© Вадимов П.
© Издательские решения

Лупетта

Павел Вадимов

«Комарово»

Импринт Андрея Аствацатурова

© Павел Вадимов, 2017

ISBN 978-5-4485-7678-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Настоящие книги и договоры с дьяволом пишутся только кровью. Но никто еще не ставил вопрос о качестве таких чернил. Интересно, примет ли князь мира сего манускрипт, написанный порченой кровью? Причем порченой не в каком-то суеверном смысле, типа цыганка сглазила, а в самом что ни на есть прямом. Кровью, которая медленно убивает своего хозяина, растекаясь по его венам мучительной болью.

Можно ли такой кровью писать о любви? Или получится только о смерти? Бог его знает. Надо попробовать и то, и другое.

* * *

Это имя родилось в Неаполе, где мы побывали два года назад, путешествуя по Италии. К тому времени я уже придумал для хозяйки моего сердца прозвище «волчонок», потому что она действительно была схожа некоторыми повадками с волчьим детенышем. Шутки ради я решил узнать у нашего гида, как по-итальянски будет «волчонок». «Lupetto», – ответила она, нисколько не удивившись вопросу. «А волчонок женского рода?» – «То же самое, только с окончанием на «а». Вот так моя любовь и стала откликаться на имя Лупетта.

Я всегда хотел подобрать для нее какое-нибудь оригинальное ласкательное прозвище. Только послушайте, как называют своих любимых сегодня: «солнышко», «ласточка», «зайчик»... Эти безликие клички безнадежно замылены миллионами ртов, произносящих их по поводу и без повода. «Солнышко, ты заплатил за квартиру?», «Зайчик, пива не забудь купить!», «Ласточка, я сегодня задержусь на работе» – как все это уныло и однообразно! Откровенно говоря, «волчонок» был ничем не лучше всех этих «зайчиков». Вот почему я был так рад, когда для моей любви наконец отыскалось настоящее имя и стало ясно, что ничего более подходящего придумать просто невозможно.

* * *

Если любовь моя зовется Лупеттой, то имя моей смерти – Лимфома. О Лупетте я уже начал рассказ, пришло время уделить немного внимания ее названной сестричке.

Сотворение лимфоцитов, известное в науке под названием лимфопоэз, – достаточно сложный и жестко запрограммированный процесс, который начинается в костном мозге. Как показывает практика, сбой программы на определенном этапе может вызвать нарушения дифференцировки и в конечном итоге привести к развитию самых разных смертельно опасных заболеваний, одним из которых и является Лимфома.

Причины нарушения дифференцировки клеток и механизмы развития патологических изменений, к сожалению, не совсем ясны, хотя гематологи продолжают изучать влияние тра-

диционных для подобных заболеваний этиологических факторов: ионизирующего излучения, химических канцерогенов и неблагоприятных условий внешней среды.

Моя Неходжинская Лимфома, в отличие от лейкозов, представляет собой злокачественную опухоль, первично возникающую не в костном мозге, а в лимфоидных тканях. Одни лимфомы имеют достаточно благополучный прогноз (выживаемость 10—20 лет), другие, мягко выражаясь, не очень (выживаемость не превышает одного года).

У меня как раз второй случай.

* * *

После нашего первого свидания на Казанском мосту я полночи думал: что же меня так поразило в Лупетте? Слова «хорошая», «красивая», «интересная» кажутся слишком банальными, да и не в них дело. В конце концов, *только* этого мне было достаточно лет десять назад, но не тогда, после... После всего, что случилось.

Под утро я уже начал засыпать, и вдруг дошло. Больше всего меня удивило, как я сам вел себя рядом с ней. Эгоцентрический бред, да? Просто в то время мне казалось, что я покрылся невидимой скорлупой, под которой навсегда похоронены сильные эмоции (я еще боялся сказать: чувства).

И вот стоило Лупетте посмотреть на меня, улыбнуться, поговорить со мной, и я почувствовал себя... Я снова *почувствовал* себя! Наутро от нее пришло письмо по электронной почте: «Мы немного похожи. Оба чуть-чуть сумасшедшие. Хотя, может быть, из разговоров со мной ты этого и не понял».

Мне тогда показалось, что понял. Но ведь без этого «чуть-чуть» жизнь казалась бы такой скучной!

* * *

Протокол химиотерапии, которой меня пичкают полгода, официально называется ЕРОСН, что переводится как «эпоха» или «эра». На самом деле, конечно, никакая это не эра, а просто заглавные буквы латинских наименований препаратов: доксорубицина, вепезида, винкристина, циклофосфана и преднизолона. Но для меня эта схема действительно стала эрой – похоже, последней в жизни.

По ночам в палате меня преследует один и тот же сон: я встаю с кровати, чтобы сходить в туалет, спросонья забыв взять с собой стойку с капельницами, которые подшиты к моей подключичной вене круглые сутки. Трубки, торчащие из груди, тянут за собой стойку, она падает, стеклянные бутылки с химией, как при замедленной съемке, валятся на пол и взрываются тысячами ядовитых капель, забрызгивая все вокруг. Из разорванных трубок в три ручья хлещет кровь, я зажимаю их в руках и бегу по коридору в поисках медсестры, чтобы позвала хирурга из реанимации. Но коридор пуст, сестра исчезла, я пытаюсь кричать, но из сжатой страхом гортани доносится едва слышный хрип. Ноги подгибаются от слабости, по животу растекаются холодные струйки страха, стены кружатся перед глазами, к горлу подступает комок тошноты, я теряю сознание... и в холодном поту просыпаюсь, дрожащей рукой хватаясь за капельницы, чтобы проверить – на месте ли?

Лексикону обреченных присуще чувство юмора. Как только здесь не называют стойки с висящими на них капельницами – «елками», «гирляндами» и даже «торшерами». «В туалет собрался? Торшер не забудь!» – шутил сосед с саркомой, лежавший на соседней койке. Он умер одним из первых в палате.

* * *

Встреча с Лупеттой перевернула все мои представления об ухаживаниях и романах. Первое время я ничего не хотел загадывать, ни о чем не хотел мечтать; мне было достаточно того, что она идет рядом, говорит со мной, слушает, улыбается, а ее глаза лучатся неземным светом.

«Ты, наверное, уже думаешь, что я какой-то ненормальный, – писал я ей. – Я бы и сам так решил на твоём месте. Ну не веду себя, как „мушчына“, да? Какое-то странное чувство, будто мне пятнадцать лет и я первый раз знакомлюсь с девушкой. И это после всего, что было. Что ты со мной делаешь?»

«Сразу же хочу извиниться перед тобой, – ответила она, – за свой цинизм и излишнюю прямолинейность. За то, что дала тебе повод подумать, что я жду от тебя стандартного „мужского“ поведения. Это совсем не так. Знаешь, месяц-два назад я готова была отдать все за некоторые строчки из твоих писем. Даже просто за то, что кто-то испытывает ко мне что-то похожее. „Мушчыны“ всегда строили далеко идущие планы и не видели красоты момента. С ними или без них, я умирала от сознания своего одиночества. Однажды один такой человек со счетчиком вместо сердца предложил мне выбрать для меня цветы. Он хотел георгины или розы, а я попросила лилию. Деньги были заплачены, разговор с продавщицей закончен. „Посмотри, – сказала я ему. – Как это, наверное, красиво – я и этот белый цветок на черном фоне“. – „Не представляю, как кто-то может любить лилии. Я ненавижу их вид и запах“, – ответил он. Я отвернулась и пошла со своим цветком в противоположном направлении. Больше мы никогда не виделись. Зачем я тебе все это рассказываю? Просто для того чтобы ты понял, что „нетаковость“ – это и мое качество тоже. Хотя „после всего, что было“ ты уже должен знать, что мы вряд ли надолго станем счастливы...»

* * *

Каждый из шести курсов химиотерапии длится пять дней. Между ними – три недели перерыва, чтобы восстановилась кровь. В течение курса различные яды, убивающие в организме все растущие клетки, должны без остановки капать через подключичный катетер. Раз в сутки капельницы меняют, заново прикручивая идущие от них трубки к катетеру. Моя задача заключается в том, чтобы следить за скоростью работы каждой из трех капельниц, регулируя ее с помощью специального колесика, если произойдет сбой. В идеале раз в десять секунд должна падать одна капля. Но на практике так никогда не происходит, любое неловкое движение может вызвать нарушение работы системы. В первые дни после «подшивания» я поминутно подкручивал треклятые колесики на всех капельницах поочередно. Казалось, они надо мной издеваются: то одна течет быстрее, то другая – медленней, то третья вообще останавливается. Когда роль надзирателя мне надоела, я решил немного почитать и тут же был наказан ревнивыми стекляшками: одна из капельниц неожиданно стала изливаться щедрой струей и за каких-нибудь полчаса едва не израсходовала свой суточный запас. Заметив это, я в ужасе закрутил до упора колесико, подхватил стойку и помчался на пост к медсестре с самыми дурными предчувствиями. Однако в реанимацию меня никто везти не собирался. «Ну что поделаешь, – развела руками любимица палаты Оленька. – Убежала и убежала. В следующий раз будешь внимательнее».

Так и с жизнью порой бывает: следишь, чтобы текла себе потихоньку, подкручиваешь колесики, а потом на что-нибудь отвлечешься, а она – р-р-раз и «убежит». И следующего раза уже не будет.

* * *

Когда мне было восемнадцать, как Лупетте, я не любил проводить время со сверстницами. Девушки, которым не исполнилось двадцати лет, казались мне скучными: они не читали то, что читал я, не увлекались тем, чем увлекался я, да и сам я, откровенно говоря, был им не очень интересен. А более зрелых женщин в силу отсутствия опыта я тогда просто боялся. Так что отношения со слабым полом в юности складывались у меня далеко не лучшим образом.

Наверное, именно поэтому в первое время знакомства ее нежный возраст меня несколько пугал. Но только в первое время. Я достаточно быстро убедился, что никогда не встречал девятнадцатилетней девушки, столь развитой интеллектуально. «А как обстояло дело со всем остальным?» – спросят меня. Ну что вы хотите услышать? Со времени «Песни песней» Соломона в этом жанре не появилось ничего нового. Да, моя возлюбленная прекрасна, стройна, а глаза ее, как... Нет, не хочу описывать... сравнивать... это так глупо! Кажется, будто я перечисляю характеристики беговой лошади. Добавлю, что неисправимый цинизм всегда заставлял меня подмечать отдельные недостатки в любой девушке, которая была рядом. А после того как мне стукнул тридцатник, я и вовсе растерял последние идеалы. Так вот, на этот раз недостатков не было. То есть совсем. Лупетта оказалась наиболее ярким воплощением моих сокровенных грез. Как во внешнем, так и во внутреннем плане. Раньше я думал, что так не бывает. Оказалось, бывает. И еще как.

На интуитивном уровне Лупетта дала мне почувствовать, как опасно лукавить, находясь рядом с ней. Более того, я понял, что если не буду искренен, потеряю ее сразу же и безвозвратно. Привычные ощущения цели и средств ее достижения растаяли без следа, как кольца дыма из трубки. Лишь теперь я с волнением открывал для себя искусство наслаждения каждой секундой, проведенной рядом с хозяйкой моего сердца. И мыслей о том, что будет дальше, уже не возникало.

«Совершенные мгновения» (помнишь, у Сартра?), может быть и существуют, – писала она мне. – По крайней мере, мне бы хотелось, чтобы они были у тебя. У нас обоих».

* * *

Лимфатическая система человека – это огромная сеть мельчайших сосудов, которые объединяются в более крупные и направляются к лимфатическим узлам. Через эту сеть из наших тканей удаляются жидкости, белковые вещества, продукты обмена, микробы, а также чужеродные вещества и токсины. По всему телу распределено более 500 лимфоузлов, представляющих собой железы округлой или овальной формы размерами от 1 мм до 2 см. В них образуются лимфоциты – защитные клетки, которые активно участвуют в уничтожении чужеродных веществ и раковых клеток. Увеличение лимфатических узлов происходит, когда белые клетки крови выстраивают оборонительные сооружения против вторгшихся в организм бактерий. Реже оно является следствием опухолевого поражения, которое может быть вызвано целым рядом онкогематологических заболеваний, к числу которых относится лимфома.

Лимфома, последняя подружка моя, почему ты решила начать именно с шеи? Ведь шляпки твоих грибов могли ползть откуда угодно – из подмышек, паха, печени, легких, селезенки наконец! Нет, ты собралась поставить мне первый засос именно здесь, в самом эрогенном, по твоему мнению, месте. Не скрою, ты оказалась настоящей мастерицей, поцеловала меня так, что свет померк перед глазами, в зобу дыхание сперло, а весь белый и пушистый мир в мгновение ока ежовой рукавицей вывернулся наизнанку. Мне и вправду никто раньше не ставил таких засосов, и только благодаря тебе я окончательно понял смысл выражения «зацеловать до смерти». Ты, наверное, думала, что я сразу кончу от твоего страстного поце-

луя, ведь перед тобой еще никто не смог устоять, не так ли? А я, болван эдакий, вместо того чтобы отдаться без памяти, решил заполнить взбаламученной тобой кровью старую чернильницу, сиречь картридж выдавшего вида принтера, и излить свои страдания на бумагу. Обещай только, что, покрывая засосами шею, ты не будешь заглядывать мне через плечо. К чему любопытничать, если последнюю точку в этих записках все равно поставишь ты?

* * *

В один из теплых осенних вечеров, когда мы гуляли по Невскому, держась за руки, как дети, мне вдруг стало совершенно очевидно, что Лупетта настолько не вписывается в этот проспект, в этот город, в этот мир, словно ее образ вырезан ножницами потустороннего Уорхола из картины других времен и наскоро прилажен сюда. Именно в тот день я понял, что еще никого так не хотел, как ее. Я имею в виду не интенсивность желания, а его характер. Не то слово. Глубину? Опять не то. Чистоту? Нет, снова не то. Вообще все это ужасно пошло: *лублу, хачу*. Кошмар какой-то. Отдает шавермой. Так вот, я впервые осознал, что не чувствую пошлости чувства. Возможно, я потерял нюх или голову. Или и то, и другое? Не важно, главное, что я нашел Лупетту.

В то утро, когда пейзаж за окном покрыли первые мазки белил, она написала мне: «Вчера перевели время. Сегодня выпал снег. Скоро будет ноябрь. Мой месяц. Холодный и длинный. Сонный. Будем ли мы вместе? Зимней осенью. Тогда, когда мне будет 19. Я не знаю. В такое время почему-то вспоминаю о разлуке. О том, как они уходили... Я не хочу, чтобы так было с тобой. Да».

* * *

Вы сейчас ничем не заняты? Тогда опустите на минутку голову и напрягите как можно сильнее мышцы шеи. А теперь нажмите большими пальцами слева и справа глубоко под подбородком. Не нащупали перекатывающиеся шарики? Точно? Попробуйте еще раз. Все равно нет? Ну тогда поздравляю, вам повезло, помрете от чего-нибудь другого. Впрочем, извините, я не хотел вас обидеть, просто сорвалось... Почему, почему это случилось именно со мной, а не с ними со всеми, а?!

Вы только посмотрите на кретина, который каждое утро ползает с капельницами по длинному больничному коридору в туалет, подходит к зеркалу и занимается онанизмом со своими подчелюстными лимфатическими узлами. Ну разве не смешной малый? Щупать, собственно, ему ничего не надо, достаточно, опустив подбородок, напрячь шею, и красавцы тут как тут. Нет, сначала казалось, что прогресс налицо, а потом шиш с маслом, все пошло по новой.

А зачем, собственно, жаловаться? Ты же сам просил о чем-то таком в минуты отчаяния, разве не помнишь? Кого просил? Теперь уже не важно. К чему гадать, какая именно инстанция откликнулась на прошение, главное, что оно было удовлетворено. Толстовский пастушок дурачил всех криками «Волки!», пока ему не перестали верить. А потом превратился в оборотня и задрал всю деревню.

* * *

Много лет назад я признался девушке: «Больше тебя я люблю только одиночество». Она страшно обиделась, чему я был искренне удивлен. «Если ты даже одиночество любишь больше меня, – плакала она, – значит, я для тебя пустое место!»

Я ошибался, полагая, что ценность одиночества неоспорима не только для меня, но и для всех окружающих. То, что мне казалось комплиментом высшей пробы, другие считали чуть не за оскорбление. Со временем это даже стало забавлять. «Интересно, если бы твой избранник сказал, что больше тебя любит только одиночество, ты бы обрадовалась или оскорбилась?» – тестировал я знакомых и малознакомых подруг и неизменно получал малоутешительный ответ. В конце концов я убедился, что человека, ценящего мою потребность в уединении, рядом со мной не будет никогда.

Лупетта стала первой девушкой, которая, скорее всего, не расстроилась бы, услышав от меня такое признание. Почему «скорее всего»? Потому что этих слов я ей никогда не говорил. Она разделалась с моей любовью к одиночеству в два счета, как волчонок, нехотя слопавший выпавшего из гнезда птенца. И, что интересно, я об этой потере нисколько не жалел. Напротив, я начисто забыл, как мог так лелеять одиночество, если каждую минуту пребывания вдали от Лупетты только и думал о том, когда мы снова будем вместе.

«Давай завтра встретимся», – как-то предложил я ей, расставаясь. «Нет, не завтра, – ответила она. – Я хочу побыть одна, чтобы не потерять остроту чувства». Так все мои бывшие девушки в ее лице отомстили мне за измены с одиночеством.

* * *

Абсолютным показанием для катетеризации магистральных вен является необходимость проведения длительной инфузионно-трансфузионной терапии от нескольких дней до нескольких недель и месяцев, а также невозможность инфузий в периферические вены. Более высокая скорость кровотока в центральных венах (подключичной, наружной яремной и бедренной) способствует менее выраженному местному воздействию вводимых препаратов на стенку сосудов и явлениям веноспазма. Считается, что наиболее удобной веной для чрезкожной пункции катетеризации, проведения инфузионной терапии и ухода за катетером является подключичная вена.

Операция производится под местной анестезией Sol. Novocaini 0,5%-5,0. Сначала подключичным доступом по методу Сельдингера пунктируется и катетеризируется правая подключичная вена. Затем в нее с помощью расширителя устанавливается катетер. Правильность установки катетера проверяется по обратному току крови. Чтобы катетер не выпал, он фиксируется подшиванием, а сверху покрывается асептической наклейкой. Общая частота осложнений при катетеризации доходит до 30% и не зависит от вариантов техники ее выполнения.

В первый раз, когда мне ставили катетер, хирург, промахнувшись, попал в артерию, и я залил кровью всю операционную. Во второй раз врач перепутал катетеры и вместо трехпросветного поставил двухпросветный. Когда ошибка обнаружилась, пришлось снова ложиться на хирургический стол. В третий раз во время анестезии наступил паралич дыхательного нерва, и я чуть не распрощался с белым светом.

После того открыл Иов уста свои и проклял день свой.

* * *

Моя любовь ютилась с мамой в крошечной комнате коммунальной квартиры на улице Марата. Вырастив дочку без мужа, мама решила устроить свою личную жизнь. Когда мы с Лупеттой стали встречаться, у нее наклеивался серьезный виртуальный роман с седовласым американцем.

Лупетта не просто любила маму. Я бы сказал, она ее боготворила. Нет, Лупетта не преклонялась перед ней, они даже ссорились время от времени, но на самом деле только мать была для нее идеалом. Мне казалось, что в наше время ничего похожего уже не встретишь. «Мама

в одиночку вылепила меня такой, как ты меня знаешь, – признавалась Лупетта. – Никто другой не оказал на меня такого влияния, как она. Все мое воспитание, манеры, привычки – от нее».

Когда мы задерживались где-нибудь вечером, мама постоянно звонила по мобильному, волнуясь, когда же любимая дочка вернется. Ничего удивительного в этом нет, так поступает большинство родителей, но сколько раз я слышал в голосе отвечающих им чад нескрываемое раздражение от чрезмерной опеки. И только Лупетте никогда не досаждали эти звонки; напротив, она всегда с любовью в голосе отвечала: «Мамочка, я же сказала тебе, что скоро буду». Интересно, что при этом мама никогда не допрашивала Лупетту по поводу ее ухажеров, и даже когда мы стали возвращаться по утрам, ни разу не устроила дочке разнос. Но я, похоже, забегая вперед.

* * *

Я заметил, что смертельно больные пациенты словно переходят в другую категорию людей вне зависимости от своей социальной принадлежности. Я имею в виду не тех, кто уже пребывает на пороге жизни и смерти, а скорее пациентов, которые знают, что спасения уже нет, но пока не удостоились первых робких поцелуев Косой в опухшую от химиотерапии щеку.

Близость смерти на глазах облагораживает их, хотя я раньше думал, что она должна, наоборот, озлоблять. На самом деле никакой агрессии нет и в помине. Все здесь предельно вежливы, как в палате лордов, готовы помочь каждому, выполнить любую просьбу. На отделении практически не слышен мат, хотя видно, что некоторые мои соседи еще недавно не могли вести разговор без привычного матерка. Никто не повышает голос, а если боль становится нестерпима, многие стараются заглушать собственные крики подушкой. И только когда платонические лобзания Костлявой резко переходят в садистские засосы, некоторые не могут сдерживать звериный стон.

За окном висит кормушка для птиц, сделанная из упаковки кефира. Глодаемый саркомой сосед до последних дней ковылял, чтобы насыпать свежий корм, а потом со слезами на глазах смотрел на воробьев, дерущихся за свою добычу. Когда он умер, я и не подумал обновлять кормушку, хотя лежал ближе всех к окну. А воробьи навещали нас еще несколько дней, но не найдя пайка улетали. Потом их уже не было видно, а разбухшая от дождя кормушка сама по себе свалилась куда-то вниз. Почему же я не помог братьям нашим меньшим? Наверное, для того чтобы научиться жалеть других, надо начать с себя.

* * *

Лупетта училась на вечернем отделении факультета истории искусств Академии художеств. Она поступила туда, не добрав баллов для зачисления на филфак университета. В свободное время она подрабатывала внештатным корреспондентом раздела «Культура» в газете «Бизнес-Петербург». В один из ясных осенних дней она неожиданно предложила мне составить ей компанию для посещения Эрмитажа, куда ее послали, чтобы написать репортаж об открытии выставки «Три века ювелирного искусства Петербурга». Я, разумеется, согласился.

В небольшом выставочном зале крупнейшего российского музея было не протолкнуться. В воздухе висел удушающий аромат дорогого французского парфюма. Любителями высокого искусства здесь и не пахло – подавляющее большинство присутствовавших на открытии выставки скорее напоминали покупателей в дорогом ювелирном салоне. Лысые нувориши, брезгливо выпятившие губы и сопровождаемые моделями с умопомрачительно длинными ногами и не менее умопомрачительно пустыми глазами, дефилировали между ярко освещенных витрин, цокая языками при виде какого-нибудь крупного бриллианта.

Цокать им приходилось немало. За пуленепробиваемыми стеклами на атласных подушечках лежали произведения Иеремии Позье, Жан-Пьера Адора, Жан-Жака Дюка, Иоганна Готлиба Шарфа, Иоахима Хассельгрена и других ювелиров, работавших для двора императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II. Ювелирное искусство XIX века представляли работы Иоганна Хельфрида Барбе, Вильгельма Кейбеля, а также мастеров знаменитой фирмы Карла Фаберже. Среди экспонатов были часы, табакерки, кольца, браслеты и букеты из драгоценных камней.

Консервативный Эрмитаж впервые решился показать в своих стенах работы современных петербургских ювелиров. «Смотри, какая интересная вещь!» – поразилась Лупетта, указав мне на кольцо «Кандинский», напоминавшее связку причудливо инкрустированных маленьких зеркал, и тут же убежала брать у кого-то интервью.

Я чувствовал себя здесь не в своей тарелке. А все потому что мы были и вместе, и не вместе. Я, наверно, впервые смотрел на Лупетту со стороны. Видел, как она разговаривала не со мной. Улыбалась не мне. Говорила не для меня. И мне казалось, что тут что-то не так. Ну не так, и все тут!

Между витрин, беседуя с директором Эрмитажа, вальяжно прохаживался известный петербургский ювелир Уранов. Говорили, что украшенный драгоценностями крест его работы носит сам патриарх. Шея хозяина престижного ювелирного салона на Невском проспекте, как и шея беседующего с ним эрмитажного босса, была небрежно обмотана черным шелковым кашне. Можно было подумать, что оба состоят в тайном масонском братстве, знаком принадлежности к которому являются траурные шарфики.

Невысокий, с поблескивающей под ярким светом галогенных светильников лысиной, Уранов ничем не привлек бы моего внимания, если бы не один эпизод. Когда он мимоходом царапнул меня своими похожими на скарабеев глазами, в груди что-то екнуло. «Чушь какая-то, – подумалось мне. – Похоже, я становлюсь слишком впечатлительным рядом с Лупеттой. Или, может, все оттого, что я сегодня опять до утра курил трубку, грезя о своей любви?»

«Слушай, а вот было бы здорово взять у Уранова интервью! – прервала мои размышления внезапно появившаяся рядом Лупетта. – Его можно было бы задорого продать какому-нибудь журналу». – «Так в чем же дело, подойди и попроси, он наверняка не откажет такому прекрасному журналисту, как ты», – попытался съязвить я. Спустя несколько минут она уже демонстрировала мне гигантских размеров визитку с золотым орлом и длинным перечислением звонких регалий ее обладателя. «Согласился! Сказал, чтобы я позвонила ему в офис, и он назначит время. Ты представляешь!»

* * *

Я хорошо помню ночь, когда в палате умер первый пациент. Это произошло сразу после Нового года; в больничном коридоре весело мигала пластмассовыми огоньками искусственная елка, установленная сердобольными медсестрами. В последние дни, приходя в сознание, он просил только одного: «Умоляю, не вскрывайте меня после смерти, я не хочу, чтоб меня резали, сожгите сразу, пожалуйста».

Он умер во сне, накачанный наркотиками. Хриплое прерывистое дыхание неожиданно перешло в затаенный вздох, а затем резко прервалось, и сразу же в палате стало невыносимо тихо, до мучительной рези в ушах. Его жена, дежурившая ночами, не вытирая текущих по лицу слез, попросила у медсестры какую-нибудь тряпочку, чтобы перевязать отпавшую челюсть.

Он попал сюда в последний раз задолго до моего первого появления в больнице. В приговоре значился лимфолейкоз, он боролся с ним несколько лет и вроде бы пошел на поправку. Но минувшим летом его угораздило навеститься на родину, к морю, хотя врачи категорически запрещают таким больным пребывать в жарком климате. Там его и подкосило. Сюда его при-

везли уже в очень плохом состоянии. Все время, пока смерть вершила свою грязную работу, он практически не спал, непрерывно молясь и прося прощения у всех, кого обижал за годы жизни. Смотреть на него было страшно. Огромные лимфоузлы распирали фиолетовыми желваками шею, губы и ноздри пожирал герпес, глаза сочились желтой слизью. А распухшие руки, истерзанные капельницами, напоминали огромные желтые кегли, покрытые кляксами гематом.

Перед смертью его посетил священник. Те, кто был в состоянии ходить, вышли из палаты, чтобы не мешать таинству исповеди. Я ковылял по коридору со стойкой в руке и думал: неужели ничто в этом мире, даже смерть, не заставит меня хоть на шаг приблизиться к вере?

* * *

Я часто встречал Лупетту возле редакции «Бизнес-Петербурга», недалеко от гостиницы «Советская»; мы ужинали в кафе, а потом шли куда-нибудь гулять. Не важно куда, главное подальше отсюда. Наверное, у каждого в городе найдется свой нелюбимый район. Я испытывал отвращение именно к этим улицам, и они отвечали мне взаимностью. Мрачная аура старых промышленных кварталов и загазованного Обводного канала смешивалась здесь с тошнотворными миазмами изнанки петербургской шинели. Недалеко отсюда был убит мой хороший знакомый Эрик, замечательный джазовый флейтист с грустными глазами взъерошенной птицы. Однажды утром он был найден задушенным в помещении маленького театра-студии на Рижском проспекте. Ночью Эрик записывал музыку к очередному спектаклю своих друзей, кто-то позвонил в дверь, а он зачем-то впустил незваных гостей... Убийц, разумеется, не нашли.

Что до моих демонов, они обернулись на Рижском проспекте бандой глухонемых. Светлым весенним днем рядом с «Советской» я был остановлен прилично одетым молодым человеком в интеллигентных очках. Он протянул мне бумажку с написанным на ней адресом, видимо желая, чтобы я объяснил дорогу. Ни одного слова произнесено не было: прохожий жестами дал понять, что он глухонемой. Почерк на бумажке был на редкость неразборчивый, и мне пришлось наклониться, чтобы разобрать написанное. В этот момент чьи-то сильные руки схватили меня за шею и профессиональным броском выкинули на проезжую часть. Не успел я ничего сообразить, как мир перевернулся в глазах, слетевшие с носа очки полетели под колеса машин, ушибленный об асфальт локоть взорвался пронзительной болью, а поганец уже садился в припаркованную рядом машину, засовывая в карман пальто мой бумажник.

И тут во мне проснулись неведомые ранее инстинкты. Вместо того чтобы смириться с потерей видавшего виды бумажника, в котором не набралось бы и нескольких сот рублей, я вскочил на ноги, дернул дверцу уже отъезжавшего автомобиля, которая случайно оказалась незакрытой, и мертвой хваткой вцепился в рулевое колесо. В машине сидело четверо глухонемых, вместе с нападавшим. Они возмущенно мычали и размахивали руками, показывая, что я сейчас получу удар монтировкой по голове, если не отпущу руль. Но я уже не соображал, что творю. Помню только, что не давал водителю отцепить свои пальцы и орал благим матом: «Верните деньги, гады!» Завершение драмы заняло буквально несколько секунд. Получив некую команду, мой обидчик резким движением достал из кармана украденный бумажник и выкинул его на проезжую часть. От неожиданности я ослабил хватку, водитель тут же сорвал мои руки с руля и с силой вытолкнул меня из машины. Взревел мотор, автомобиль сорвался с места и, как пишут в сводках, скрылся с места происшествия. Я сидел весь в слезах прямо на дороге, кашляя в облаке выхлопных газов, машины, сигналиа, объезжали меня со всех сторон, прохожие удивленно оборачивались, заляпанные грязью очки торчали из кармана, а распухавшая на глазах рука крепко сжимала чертов бумажник, из которого не пропало ни копейки.

Я так до конца и не понял, почему вышел из этой заварушки победителем. Эти ублюдки запросто могли меня покалечить, если не убить, когда я бросился к ним в машину. По-видимому, план подобных ограблений составлен в расчете на фактор внезапности, и в случае воз-

никновения нештатных ситуаций преступники просто сбрасывают добычу, не просчитывая другие ходы. Как-никак, «операция» проводится среди бела дня, и затягивание времени может привлечь к ней нежелательное внимание со стороны. Это всего лишь гипотеза – возможно, нашлись бы и другие причины, но к чему гадать? По правде говоря, я ринулся в бой отнюдь не из-за денег, а просто потому, что мне стало до боли обидно при мысли, что я спущу им с рук такое унижение. Если бы у меня просто и незаметно вытащили из кармана кошелек, я, быть может, даже поаплодировал бы в душе профессионализму карманника. Но в данном случае я был именно унижен и никогда бы потом не простил себе факт безволия. Даже с проломленным черепом я бы не пожалел о своем опрометчивом поступке – не важно, на том свете или на этом.

Все мои страхи, связанные с адскими кварталами вокруг «Советской», бесследно развеялись только после того, как я встретил Лупетту. Она стала для меня доброй феей, соседства с которой демонам моего прошлого было не вытерпеть. Они могли только злобно шипеть, брызгать ядовитой слюной и скалить клыки. Белым мелом своего обаяния Лупетта очертила вокруг нас магический круг, вход в который был им заказан. Но они умели ждать.

* * *

Один мальчик как-то сочинил такой стишок:

Отворю на шее алый родничок.
Будет он размером с медный пятак.
Пусть его журчанье принесет покой.
Что с того, что *вечный*?
Мне бы хоть какой...

Перечитав написанное, маленький автор испугался своего творения. Он вовсе не собирався прокалывать яремную вену, да и вообще мысли о суициде не принимали в его голове столь явный физиологический оборот. Шли годы, и мальчик почти забыл об этом странном стишке. В его жизни появились первые романтические свидания, и для поэтических претензий он нашел совсем другие темы. В лучших традициях трубадуров XX века мальчик кропал неумелые сонеты, посвященные предметам его обожаний, которые в большинстве своем только посмеивались над самозванным поэтом.

В жизни мальчика происходили различные бури, катаклизмы и затишья. Он грезил, влюблялся, ссорился и грустил так же, как и миллионы других подростков. И, подобно большинству своих сверстников, он тешил себя надеждой, что у него все происходит не так, как у других. Когда-нибудь наконец он встретит девушку, которая станет для него самым близким существом на земле.

И что самое интересное, спустя много лет эта встреча действительно состоялась. А потом забытый стишок сыграл со своим автором злую шутку. Лимфатический узел на шее неожиданно расцвел отвратительной раковой орхидеей, в центре которой образовалась мерзкая гематома размером с медный пятак. И отравленная больными клетками кровь ядовито захихикала тихим журчащим смехом. Впереди мальчика ждал вечный покой.

* * *

«Любовь – это искусство медлить», – заметил Милан Кундера. «Мало доверяю я той любви, которая зарождается медленно», – запоздало усмехнулся в ответ Ортега-и-Гассет. Я впервые решился поцеловать Лупетту лишь через месяц после первого свидания. Впрочем, инициатива принадлежала не мне.

Святылищем для этой мистерии послужила облезлая арка ее грязно-красного дома на улице Марата. К тому времени я уже думал, что окончательно избавился от оков физиологии, разделяющих отношения между разнополюми существами на неизбежные «до» и «после». Мне было бесконечно хорошо с Лупеттой и так. Я сделал удивительное открытие, осознав, что менестрели средневековья вовсе не страдали от физической недоступности прекрасных дам – напротив, эта недоступность была залогом истинности их чувства, не опороченного причинно-следственными связями. Так я стал черным монахом любви, практически утратив ощущение пола. Прожженный мартовский котятра ударился причинным местом оземь и обернулся полоумным голубем, воспарившим со своей возлюбленной к каким-то немислимым высотам. Но пора было возвращаться на землю.

Когда я в очередной раз проводил Лупетту до арки и хотел было, как всегда, отметить расставание братским поцелуем, ее нежный язычок настойчиво проник в мой рот, суровым ластиком стирая в памяти следы прошлых лобзаний. Малыш оказался настолько ревнив, что не мог снести даже намека на конкуренцию. И оказался настолько силен, что сумел заново вылепить из пропитанной спермой глины – девственника, не знавшего вкуса женской слюны. Я превратился в табула раса, на которой хозяйка моего сердца могла писать все, что ей в голову взбредет. От нежных признаний до грязных ругательств.

Ответил ли я на ее поцелуй? Разумеется да, – но настолько робко для тридцатилетнего циника с замусоленным донжуанским списком в заднем кармане брюк, что даже удивился, когда почувствовал, как она затрепетала.

* * *

1. И я видел, что Хирург поставил первый из шести катетеров, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри.

2. Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем Винкрестин, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, чтобы ввести блокаду тубулина и остановить клеточное деление в метафазе.

3. И когда Он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри.

4. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем Доксорубицину дано было быстро проникать в клетки, связываться с перинуклеиновым хроматином, угнетать деление клеток и синтез нуклеиновых кислот, оказывая специфическое воздействие на фазу S деления клеток, вызывая хромосомные aberrации.

5. И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем Вепезид, имеющий меру прерывать клеточный цикл на стадии G2, *in vitro*, подавлять включение тимидина в ДНК, вести к лизису клеток, находящихся в митозе.

6. И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: 100 мл Вепезида ежедневно в течение четырех дней, 100 мл Винкрестина ежедневно в течение четырех дней, 100 мг Доксорубицина ежедневно в течение четырех дней и 1300 мл Циклофосфана одновременно.

7. И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри.

8. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя Циклофосфан; и дана была ему власть подавлять пролиферацию лимфоцитарных клонов, участвующих в иммунном ответе, действуя преимущественно на В-лимфоциты. И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за Лимфому, которую они имели.

9. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка святыи и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?

10. И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты как и они, дополнят число.

11. И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь;

12. И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои;

13. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих;

14. И цари земные и вельможи, и богатые и тысяченачальники и сильные, и всякий раб и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор,

15. И говорят горам и камням: падите на нас и скройте нас от лица Сидящего на престоле и от Лимфомы Его;

16. Ибо пришел великий день Лимфомы Его, и кто может устоять?

* * *

Кто-кто, а рассказчик из меня всегда был хоть куда. Многие друзья упрекали меня, что не могут читать книги или смотреть фильмы после моего пересказа: в оригинале все оказывалось гораздо скучнее. Женщины, как известно, любят ушами, и я этим фактом беззастенчиво злоупотреблял. При желании я мог заболтать любую понравившуюся мне девушку, если конечно, она не страдала отсутствием интеллекта. Правда, до постели длинный язык доводил далеко не всегда.

Единственное, что раздражало, – когда очередная пассия слушала меня раскрыв рот, повторяя лишь «Ну какой же ты умный, ну как же с тобой интересно!» и все такое. Compliments, конечно, тешили самолюбие, но мне хотелось не одностороннего вещания, а диалога, спора, несогласия наконец.

Мне всегда особенно импонировало то, что Лупетта не слушала меня повизгивая, как делали это многие до нее. Да, я нравился ей как рассказчик, но в рот она никогда не смотрела. Порой она даже поднимала на смех мое увлечение тем или иным сюжетом, а подчас и вовсе демонстрировала полное равнодушие к художественным пересказам, прерывая их на полуслове фразой: «Ну, скоро там все закончится?»

Сначала это ставило меня в тупик, привычный шаблон поведения был разрушен, и я вообще не понимал как себя вести. А потом я просто сорвал надоевшую маску и стал не рассказчиком, шутником, балагуром, паяцем, черт возьми, а таким, каким я бываю, когда остаюсь наедине с собой. Можно было подумать, что в этом переплете я ей быстро надоем, но оказалось, что только таким я ей и интересен. И не только ей, но и самому себе.

Странно, но у Лупетты практически не было близких подруг. Нет, она, разумеется, общалась с девчонками из института, да и со школьными подружками сохранились приятельские отношения. Но детский стишок «Мы с Тamarой ходим парой, мы с Тamarой санитары» был написан явно не про нее. Обычно девушки ее возраста группируются по двое. Причем я заметил, что объединение это зачастую происходит по принципу «Холмс – Ватсон» или «Дон Кихот – Санчо Панса». Иными словами, красивая и умная девушка чаще всего предпочитает иметь под боком некрасивую и глупую. Для усиления контраста, что ли? Я довольно быстро убедился, что у Лупетты такой подруги нет. Большую часть времени она проводила либо с мамой, либо одна. И отнюдь не потому что окружающие ее избегают. Более того, позже я с удивлением обнаружил, что она явно тяготится повседневным общением с подругами, и когда они звонят, чтобы поболтать «о шмотках и о мальчиках», нарочно не подходит к телефону. Мне же, напротив, она стала звонить все чаще и чаще, без всякого кокетства спрашивая: «Ты сегодня не занят? Давай куда-нибудь сходим». И поскольку, в силу моей необъяснимой медли-

тельности, на пути к интиму никакого прогресса не намечалось, так уж получилось, что самой близкой подругой Лупетты стал я.

* * *

«Вдохнуть... выдохнуть... не дышать!» – скомандовала Оленька и резко вырвала из груди подключичный катетер. Ощущение такое, словно из меня выдернули вражескую стрелу. Сердце застучало часто-часто, к горлу подкатила волна тошноты, а лоб покрылся липкой испариной. К образовавшемуся отверстию медсестра тут же прижала марлевый тампон и крепко-накрепко залепила его пластырем. Отлученная от меня стойка с капельницами сиротливо стояла рядом. Казалось, она укоризненно причитает: «Ну куда ж ты собрался, милоч, далеко не уйдешь, мы скоро снова будем вместе... Скоро, но не сейчас! Впереди – жизнь без химии, целых три, а то и четыре недели свободы, в зависимости от того, как быстро подсаженный костный мозг восстановит уровень лейкоцитов в крови. Лучше бы он не торопился!»

«Ну вот и все, – улыбнулась Оленька. – Иди отдыхай в палату. Только стойку заведи с собой». Я подхватил под мышку свою металлическую подругу и, слегка пошатываясь от слабости, побрел по коридору, прижимая руку к саднившей ране. После нескольких курсов химиотерапии под левым плечом образовался шрам причудливой формы, словно какой-то эсэсовец-садист долго отрабатывал на мне технику пыток, прижигая сигаретой ключицу. Вернувшись в палату, я собрался было тихой сапой сбежать в самоволку, чтобы выпустить из легких застоявшийся больничный воздух, но не тут-то было. Пока я завязывал шнурки на ботинках, асептический пластырь предательски отлепился, и я, подобно позолоченному петродворцовому колоссу, выпустил из груди бурный фонтан крови, не успев зажать руками дырку. Новая рубашка моментально превратилась в гимнастерку убитого комиссара, пылившиеся неделю ботинки безнадежно забрызгало свежей киноварью, испуганные лица соседей по палате пестрой каруселью поплыли перед глазами, горло захлебнулось клокочущей икотой, и я умер.

Я пришел в себя от резкого запаха нашатырного спирта, побледневшая Оленька прижимала ватку к моему носу, а возле койки вперемешку толпились больные из отделения. «Ну все, спектакль окончен, – устало сказала Екатерина Рудольфовна. – Выходим из палаты... Устроил, понимаешь, нам всем представление, – обращалась она уже ко мне. – Еще бы немножко, и кровь пришлось переливать. А ну-ка лежи спокойно и не дергайся. И как тебе только в голову пришло идти на улицу сразу после химии? А если бы пластырь там отлепился, кто бы тебя спасал, скажи пожалуйста?»

Понятно, что ни о какой прогулке на свежем воздухе можно было не мечтать. Приказано лежать, яволь, буду лежать. Так значит, говорите, спектакль окончен? А мне кажется, представление только начинается.

* * *

Театр начинается с вешалки, вешалкой и заканчивается. Еще с детства, когда родители просвещали меня операми да балетами, я страшно не любил змеящиеся очереди в гардероб, которые выстраивались после окончания действия. Служенье муз не терпит суеты, но после кашляющего, чихающего и пропитанного удушающим парфюмом зала всегда хотелось выйти наружу, глотнуть свежего воздуха, а не толкаться в давке, сжимая в потной ладони номерок.

Как-то раз мы пошли с Лупеттой на премьеру «Маркизы де Сад» Мисимы, которая состоялась в одном далеко не самом известном театре. Судя по тому что зал был набит битком, тяга петербуржцев к самурайско-садистской эстетике неистребима. Меня ждало полное разочарование. Из талантливой пьесы экспрессивного японского драматурга режиссер сотворил

невнятный коктейль, больше всего напоминающий скучный студенческий капустник. Похоже, у Лупетты спектакль тоже не вызвал никаких чувств, она откровенно скучала и заразительно зевала, даже забывая прикрывать ладонью рот. Вдобавок ко всему, в зале что-то случилось с кондиционерами: к концу пьесы я чувствовал себя как в сауне, нос резал нетеатральный запах зрительского пота, и я мечтал только о том, чтобы этот кошмар побыстрее закончился. К тому же от духоты у меня страшно разболелась голова.

– У этого человека больше нет души, – проговаривала старательно заученный текст актриса. – Тот, кто написал такое, не может иметь человеческую душу. Это уже нечто совсем иное. Человек, отказавшийся от своей души, запер весь мир людей в железную клетку, а сам похаживает вокруг да знай себе ключами позвякивает. И кроме него самого, нет больше ключей от этой клетки ни у кого на всем белом свете.

– Так что, сам де Сад так до конца спектакля и не появится? – шепнула мне на ухо Лупетта.

– Ты думаешь, его появление сделает эту чушь интереснее? – улыбнулся я в ответ.

В этот момент на сцене прозвучали финальные слова: «Отошли его прочь. И скажи: «Вам никогда больше не увидится с госпожой маркизой», – и наконец-то упал занавес. В партере грянули на удивление дружные аплодисменты, я тоже для приличия немного похлопал, а затем наострил лыжи в гардероб, шепнув Лупетте: «Пойду займу очередь, чтобы потом долго не толкаться».

Я оказался в гардеробе одним из первых, и к тому времени, как Лупетта спустилась, был готов подать ей пальто. И только когда мы вышли на улицу, я заметил, что мою любовь словно подменили. Даже не взяв меня, как обычно, под руку, она шла рядом, не говоря ни слова, и на лице ее отображалось чувство, больше всего напоминающее презрение. Сначала я было подумал, что Лупетте, как и мне, стало дурно от этой духоты, но потом она соизволила прервать молчание.

– Я никогда не думала, что ты так себя поведешь, – сказала она с нескрываемым раздражением. – Актеры еще не ушли со сцены, а ты уже бежишь в гардероб. Неужели ты не чувствуешь, как это ужасно провинциально? – выделила она последнее слово. – Я не понимаю, где твоя культура, ты разве затем читал все свои умные книжки, чтобы вот так мчаться за какой-то там одеждой, пока другие зрители стоят и хлопают?

Я даже остановился. До сих пор меня упрекали в чем угодно, но только не в провинциальности.

– Но это же бездарная постановка! – безуспешно попытался я оправдаться. – Тебе самой не понравилось, я же видел. Чему тут хлопать? У меня и так голова раскалывалась от духоты, а если бы потом пришлось еще в очереди стоять, было бы совсем плохо...

– Какое имеет значение, хороший спектакль или плохой, – отрезала Лупетта. – Это же Театр, понимаешь? И здесь нельзя вести себя, как в трамвае. Если бы я даже в десять лет так себя повела, мама бы наверняка оставила меня без ужина.

На это возражений я найти уже не мог. Конечно, Лупетта была права. Своими упреками ей удалось подорвать мою самооценку. Я находил в себе множество недостатков, но ей порой удавалось делать такие неприятные открытия, о которых я сам не подозревал. Как ни странно, за это я был благодарен ей гораздо больше, чем за любые слова восхищения.

Спустя полчаса Лупетта уже напрочь забыла об обиде, с увлечением слушая мое колоритное описание биографии Кимитакэ Хираоки, писавшего под псевдонимом Зачарованный Дьяволом, с живописным отступлением на тему существенных различий между сэспуку и хакири.

* * *

Вы думаете, что НХЛ – это национальная хоккейная лига США? А вот и ошибаетесь! Это всего лишь инициалы моей последней подружки – Неходжкинской Лимфомы. Труднозапоминемое имя, не спору. Ее крестный отец – английский врач Томас Ходжкин, в 1833 году впервые сообщивший о семи случаях опухоли, которая поражает «абсорбирующие железы и селезенку». В 1865 году сэр Сэмюэль Уилкс опубликовал следующее сообщение о 15 пациентах с тем же заболеванием и назвал его болезнью Ходжкина. В то время еще не делали различий между разными видами опухолей лимфатических узлов. История неходжкинской лимфомы (Non-Hodgkins Lymphoma) выделяется лишь в 1892 году, когда ее настоящий папаша – некий Дрешфельд (к этой фамилии мы еще вернемся) показал отличия лимфосаркомы не только от алейкемической лейкемии, но и от болезни Ходжкина.

В 1979 году ведущие лимфопатологи мира решили создать единую и универсальную концепцию. А в 1994 году международная рабочая группа по исследованию лимфомы (ILSG) опубликовала новую классификацию лимфом Revised European-American Classification of Lymphoid Neoplasms (REAL).

Вообще, эти лимфопатологи – изрядные шутники по части громких сокращений. Помните, мой курс химиотерапии именуется ЕРОСН (эпоха или эра)? Над хоккеистами они тоже посмеялись. Теперь, значит, классификацию лимфом называют REAL, то бишь реальной. Наверное, если покопаться в трудах по гематологии, можно будет найти такие сокращения, как FATE, VIRTUAL, а может даже и MATRIX.

Да, чуть не забыл раскрыть тайну фамилии папочки НХЛ – Дрешфельда (Dreschfeld). Слово dresch переводится с немецкого как «бить, пороть, молотить, стегать, ударять (особенно цепями)». Один из распространенных фразеологизмов, связанных с этим словом – «выбить из кого-л. дух»...

Да уж, герр Дрешфельд, ваша дочурка оказалась той еще садисткой. Свинцовые звенья ее цепей не только дух, всю душу из меня выбили вместе с кровавыми ошметками склизких лимфоузлов, покрытых слипшимися комьями волос. И с каждым ее ударом я терял веру в наивные идеалы, которые остались у перемахнувшего в XXI век романтика. Но это была полезная встряска. Говоря по правде, я даже благодарен ей.

* * *

Одержимый навязчивой идеей запечатлеть Лупетту на фотоленке, я затащил ее в мастерскую моего знакомого художника Кушакова, расположенную в мансарде старинного дома на Шестой Советской улице. Здесь находился классический питерский сквот – незаконно занятая опечатанная квартира на последнем этаже, жильцов которой расселили из-за аварийного состояния перекрытий. В свое время в центре Петербурга таких сквотов было немало, но к концу девяностых годов остались лишь считанные единицы: ликвидные дома один за другим шли на капремонт.

Несмотря на кое-где обвалившийся потолок, бывшая коммуналка была на редкость славной. Мастера непризнанного искусства превратили ее в некое подобие постоянно действующей авангардной инсталляции, где бессмертный дух Энди Уорхола витал вперемешку с музыкой Spike Jones и дымом конопли. Натасканную с помоек полуразвалившуюся антикварную мебель дополняли коллажи из афиш заповедных норвежских рок-групп и живописных шедевров обитателей сквота. На стенах длинного коммунального коридора жили гигантские часы без стрелок, вместо люстр висели перевернутые плетеные корзины, а гости сидели прямо на полу на кусках искусственного белого меха, подушках и циновках. В самой большой комнате, играв-

шей роль мастерской, можно было найти прекрасно сохранившуюся модель парусника полутораметровой высоты, натуралистично выполненную куклу старика в пальто, колоссальную коллекцию глиняных бутылок, завешенных паутиной, и еще массу интересного.

Здесь было богемно. Как и положено в сквоте. Когда бы вы сюда ни пришли (звонить было бесполезно, хозяева открывали только на условный стук), всегда заставляли более-менее постоянный круг сквоттеров и их гостей, ведущих неспешные беседы о монотонной музыке слепого Мундога, последнем фильме гения параллельного кино, творящего под бесхитростным псевдонимом Дебил, либо патологических картинах Хельнвайна.

Надеюсь, вы не подумали, что я собрался приобщать Лупетту к сливкам андерграунда и уж тем более угощать ее косячком? Боже упаси, я всего лишь намеревался использовать обстановку мастерской как декорацию для фотосессии, призванной лечь в основу портретной галереи моей возлюбленной, которую, к моему удивлению, еще никто как следует не снимал. Конечно, я не считал себя профессиональным фотографом, но втайне надеялся, что бесспорная фотогеничность Лупетты, помноженная на артистическую ауру сквота и качество дорогой черно-белой пленки, отпечатанной в тоне «сепия», восполнят пробелы моего мастерства.

* * *

В последние годы заболеваемость неходжкинскими лимфомами имеет неизменную тенденцию к росту; она выше в развитых странах, где увеличилась более чем на 50% за последние 20 лет, и по темпам прироста превышает болезнь Ходжкина – лимфогранулематоз. В США эта тенденция опережает все другие злокачественные опухоли и увеличивается на 3% в год среди женщин и на 4% в год среди мужчин.

Неходжкинские лимфомы встречаются повсеместно, однако уровень заболеваемости неодинаков. Они редки в Японии, Индии, Сингапуре, весьма распространены в США, Канаде, Африке. Отмечаются расовые различия в заболеваемости: белые болеют значительно чаще черных, американцы – чаще японцев (независимо от места проживания).

В России НХЛ составляют 2,6% от всех злокачественных опухолей, ежегодно выявляется 10—12 тыс. новых случаев. В последнее время неходжкинскими лимфомами в нашей стране стали болеть даже чаще, чем лейкозами, хотя еще 25 лет назад картина была обратной.

По данным веб-сайта lymphoma.org, ежегодно около 20 тысяч американцев умирают от неходжкинской лимфомы. Статистика смертности от этого заболевания в России неодолеваема. При этом отечественные онкогематологи признают, что проблема диагностики и лечения неходжкинских лимфом является наиболее далекой от разрешения в современной онкологии.

Попробуем подсчитать частоту моего заболевания, исходя из того что по данным последней переписи население нашей страны составляет 145 миллионов человек. Так... делим... умножаем... округляем... Ничего себе! Выходит, что шанс заболеть неходжкинской лимфомой в России составляет 0,0076%.

Эк мне подфартило! С бóльшим успехом можно рассчитывать на выигрыш в казино. Впрочем, с азартными играми мне никогда не везло, в отличие от... Нет, об этом позже.

* * *

К фотосессии на Шестой Советской Лупетта подготовилась основательно. Я впервые увидел ее в достаточно коротком черном платье с открытыми плечами. Оригинальная стрижка-каре с вьющимися «хвостиками» на затылке, неяркий, но выразительный макияж и мой подарок – высокая белая лилия – придавали начинающей фотомодели особый шарм.

Мы оба получили удовольствие от этой съемки. Лупетта, правда, сначала вела себя несколько зажато, но со временем вошла во вкус и дурачилась как могла. Зажигательно танцевала в компании с цветком, напялив кожаную шляпу хозяина мастерской; изображала игру на электрогитаре, нарядившись крутым рокером; принимала раскованные позы на раздолбанной кушетке, демонстрируя головокругительную длину ног.

Взяв на себя роль заправского студийного фотографа, я не мог не задаться вопросом, что случилось бы, если бы я решил довести эту игру до конца, предложив Лупетте запечатлеть ее в жанре ню? Возможно, я бы лишился ее в то же мгновение. А может отделался бы легкой пощечиной? Или хозяйка моего сердца, скромно потупив очи, наконец-то предстала бы передо мной в божественной наготе?

В принципе ответ узнать было проще простого, и невесть откуда взявшийся голос внутри все время подначивал: «Попроси ее раздеться ради искусства, ну, чего же ты ждешь?» Но я медлил, мысленно повторяя: «Не используй это как повод, не предавай себя, с ней все должно быть *по-другому!*» – «Что значит „по-другому“?» – вопил нетерпеливый голос. – Перед тобой молодая красивая девушка, посмотри как она улыбается, посмотри как блестят ее губы, как дышит ее грудь! Разве ты не видишь, она хочет открыться тебе целиком! Ты что, ослеп, она же хочет, *хочет*, ты, слабовольный кретин!» Но я героически заглушал этот крик, старательно ловя новые кадры, изобретая сюжеты и позы, упорно ограничивая себя любованием ее пронзительной красотой. В конце концов я довел себя до того, что после окончания съемки Лупетта казалась слегка разочарованной моей нерешительностью.

Стоит ли добавлять, что ее портреты, выполненные в этот день, стали лучшими фотографиями, которые я сделал в своей жизни?

* * *

Я даже не мог представить, какую паранойю у меня вызовет выпадение волос, несмотря на то что лечащий врач Екатерина Рудольфовна предупреждала об этом заранее. Началось все две недели спустя после окончания первого курса химиотерапии, когда меня отпустили на некоторое время домой. По правде говоря, до последнего дня я втайне надеялся, что этого кошмара не произойдет. В инструкции к цитостатикам было написано: возможна алопеция (выпадение волос). «Но ведь „возможно“ – это еще не значит „обязательно!“» – думал я. Да и соседи по палате говорили, что бывают исключения.

Надо мной, конечно, можно посмеяться. Дескать, нашел о чем беспокоиться на пороге страшного суда, когда душу пора спасать, а не волосы! Сколько народу сейчас специально бреется наголо, потому что это модно, современно, удобно наконец, – да и на шампунях от перхоти можно сэкономить... Не знаю почему, но шевелюра всегда играла в моей жизни особую роль, я с детства страшно не любил ходить в парикмахерскую, и если быть честным, единственное, что мне безоговорочно нравилось в себе самом, – это волосы. Вот почему, расставаясь с ними, я чувствовал себя теряющим силы Самсоном. Только в роли коварной филистимлянки выступила не Далила, а Лимфома.

Сначала они стали сухие и ломкие, как не свои. Затем после мытья головы дно ванны стало походить на пол в парикмахерской. В кудрях появились первые заметные проплешины, и вот уже я мог без труда вытащить с головы целый клочок волос, едва взявшись за него.

Чтобы не осыпать всю квартиру остатками своей шевелюры, я купил упаковку бритвенных лезвий и решил разом покончить со всем этим в ванной. Никогда не думал, что брить голову – это такая мука. Спустя час из зеркала на меня смотрел лысый урод со слезящимися глазами, на которые со лба стекали тоненькие паутинки крови от случайных порезов. Череп под волосами оказался ужасно бугристым.

* * *

Лучшие из фотографий я напечатал большим форматом, выбрал эффектные деревянные рамки со стеклом и устроил временную выставку «для своих» в офисе дизайн-студии, где трудился менеджером по работе с клиентами. Первым посетителем импровизированного вернисажа, разумеется, стала Лупетта. Она вошла в студию очень взволнованной.

– Классно у тебя получилось! – В ее голосе мелькнуло уважение. – Я и не знала, что ты такой хороший фотограф. Да, кстати, я хотела тебе сказать, что договорилась сегодня с Урановым по поводу интервью. Я думала, он уже забыл о нашей встрече в Эрмитаже, но оказалось, он все прекрасно помнит и даже ждал звонка. Ты представляешь, он пригласил меня приехать не в его ювелирный салон, а к нему домой. И к тому же в восемь часов вечера. Как ты думаешь, это не... ну, ты понимаешь?..

Я даже не знал, что ответить. Сказать «Не езжай ни в коем случае, он тебя непременно изнасилует» было по меньшей мере глупо. Но посоветовать ей идти на ночь глядя домой к ювелирному магнату, хорошо известному во всем городе своей слабостью к женскому полу, было еще глупее. В конце концов я просто смалодушничал.

– Решай сама, чем ты готова рискнуть ради этого интервью. Если для тебя это очень важно, я готов тебя проводить. А если что пойдет не так, звони мне на мобильный, и Чип-н-Дейл поспешат на помощь.

– Первый раз в жизни взять интервью у такого известного человека... Для меня это действительно очень важно... Ведь все будет хорошо, правда? Я недавно смотрела выступление Уранова по телевизору, он так славно рассказывал о своей жене и детях... Он же не будет при них ко мне приставать. Да и вообще он старый. Давай пообедаем где-нибудь и поедем. Кстати, ты дашь мне свой диктофон?

Лупетта никогда не страдала отсутствием аппетита, но на этот раз заказала очень скромный обед, даже от своей любимой солянки отказалась. Она была основательно взвинчена и не пыталась это скрыть, несколько раз переспрашивала меня, как выглядит, все ли хорошо. После обеда она скрылась в туалете и непривычно долго наводила там марафет. Когда она вышла, мне показалось, что наш юный интервьюер слегка переусердствовал с помадой, хотя на моей памяти хороший вкус ей раньше никогда не изменял. Возможно, я был необъективен... Или просто ревновал...

О том, что хотел передать ей фотографии, я уже забыл, да и она, похоже, тоже. Мы спустились на лифте, я быстро поймал машину и повез ее на выполнение профессионального долга. Несмотря на пробки, доехали мы на удивление быстро.

– Спасибо, что подвез, – сказала Лупетта, поцеловала меня в щеку, стараясь не смазать помаду, резким движением поправила прическу и скрылась за охраняемыми воротами дома. Я нашел кафе неподалеку, выбрал столик и заказал графинчик водки. Не помню, когда последний раз я пил сам с собой. Настроение было скверное.

* * *

Уже в самом названии процедуры было что-то каннибальское: трепанбиопсия гребешка подвздошной кости. Так называется пункция костного мозга с целью оценки кроветворения. Выполняется эта пытка специальным инструментом – трепаном, который посредством нескольких резких толчков пробивает спину чуть выше таза, чтобы вырвать столбик ткани вместе с костным мозгом.

Метастазы в костный мозг лучше всего выявляются методом аспирационной биопсии и трепанбиопсии в двух участках – обычно в области гребней обеих подвздошных костей.

Иммунологическое исследование аспирационного материала моноклональными антителами позволяет еще больше повысить чувствительность этой методики.

Меня попросили приспустить штаны, укололи ультракаином, подождали, пока пойдет заморозка, посадили верхом на стул и велели крепко держаться руками за его спинку и терпеть. Затем врач стал рывками с силой вгонять в кость трепан. Кратковременные разряды боли выстреливали вдоль позвоночника, покрывая побледневший лоб матовыми бисеринками пота. Когда терпеть было уже невозможно, я закричал, как ребенок, которого мама впервые привела к зубному врачу.

Когда пытка подошла к концу, дырку над попой как следует залатали и отправили меня отлеживаться в палату. Я покорно захромал по коридору, догадываясь, что ничего хорошего мне уже не скажут.

Такие больные, как мы, делятся на две категории. Одни стараются всеми правдами и неправдами убежать от смерти, а вторые тоже бегут из всех сил, только в противоположном направлении. Я выбрал дружную команду бегущих к смерти.

* * *

Пока за рюмкой водки я ждал Лупетту, мне вспомнилась наша самая первая встреча. С тех пор прошло не так много времени, но теперь она мне виделась в каком-то тумане, как сцена из старого итальянского кино. Словно некий шутник-чародей в одночасье внушил мне и этот пасмурный день, и ленивые капли дождя, и кольца дыма из моей трубки, и пронзительно красивую незнакомку...

У нашей дизайн-студии намечался весьма перспективный совместный проект с редакцией газеты «Бизнес-Петербург», и в назначенный час я прибыл на переговоры к главному редактору. Однако он задерживался минимум на полчаса, как объяснила мне секретарша, предложив обождать в приемной. Посидев пару минут, я решил спуститься на крыльцо, чтобы покурить в ожидании трубку. Не успел я выпустить и трех колец, как за спиной раздался голос.

– Какой приятный запах... Интересно, все трубочные табаки так пахнут?

Я обернулся и встретился глазами со своей будущей возлюбленной. Кто знает, сколько раз после этого мгновения я мучительно пытался понять: была ли это любовь с первого взгляда? Как бы я хотел, вспоминая об этой встрече, томно закатив глаза, с придыханием сказать: «Я взглянул в ее бездонные зрачки и тут же утонул в них безнадежно. Любовь, как молния, пронзила мое сердце, и я уже не мог представить себя без этой девушки!»

Увы и ах. Сколько бы тумана ни напускала моя память на эти минуты, я всегда отдавал себе отчет, что никакой любовью с первого взгляда здесь и не пахло. Да, я заценил. Восхитился. Можно даже сказать – залюбовался. Но полюбил? Позже, гораздо позже. Не знаю почему, но я сразу понял, что она журналистка. Единственная глубокая мысль, которая пришла мне тогда в голову, была на удивление банальна: «Ничего себе, какие девушки пишут статьи для этой скучной газеты. Их что здесь, по внешним данным подбирают?»

– Нет, так пахнет только этот табак. Хотите понюхать его в упаковке? – Я протянул ей раскрытую пачку.

– Конечно хочу... Ну-ка... Апчхи! Ой, извините, а запах просто удивительный... Как, говорите, он называется? Original Choice? Выбор у вас действительно оригинальный, *что и говорить*. – И она снова посмотрела мне в глаза.

Нет, и на этот раз ничего. Совсем ничего. Сердце не стало биться чаще, дыхание не перехватило, в глазах не помутилось. А ее любимое выражение «что и говорить» потом привязалось и ко мне. Позже я заметил, что Лупетта отличалась от большинства своих сверстниц еще и тем, что в ее речи не было слов-сорняков: «короче», «типа», «как бы» и тому подобного мусора. Единственное исключение только подтверждало правило.

– Простите, а вы давно курите трубку? – В ее голосе появились профессиональные нотки.

– Да лет пять уже, а что?

– Мне просто удивительно повезло. Дело в том, что редактор последней полосы поручил мне написать обзор... ну, в общем, статью о трубочном бизнесе в Петербурге. В магазинах я уже побывала, но... Что и говорить, у меня нет ни одного знакомого курильщика трубок! Если вы так долго курите, то наверняка знаете на эту тему все. Может, мы как-то... может, вы поделитесь информацией?

– Пожалуйста, вот вам моя визитка.

Будущая хозяйка моего сердца сказала «спасибо», убрала бумажный четырехугольник в свою сумочку, вежливо попрощалась и упорхнула за стеклянную дверь редакции.

– Черт, я ведь даже не спросил, как ее зовут, – спохватился я и тут же увидел выходящего из машины редактора. Последнее, о чем я подумал перед началом переговоров: «А ведь наверняка не позвонит. *Такие* никогда не звонят».

Это была моя первая ошибка в отношении Лупетты.

* * *

Порой мелкие, чуть ли не анекдотические события производят на нас гораздо большее впечатление, чем вселенские катастрофы. Вот, скажем, комары. Меня всегда удивляли люди, страдающие от их укусов. Одна знакомая девушка чуть ли не до крови расчесывала места укусов, утверждая, что не может вытерпеть этого зуда, а я только удивлялся ее страданиям. Нет, комары меня кусали, как и всех смертных, но особенно по этому поводу я никогда не переживал: ну почесется самую малость и пройдет, эка невидаль!

Как-то посреди ночи я проснулся от невыносимой боли на месте свежего комариного укуса: казалось, меня ужалил невесть откуда взявшийся тарантул. А потом началось. Несколько крошечных насекомых в комнате чуть не свели меня с ума, я наглотался обезболивающих таблеток и еле дождался утра, чтобы купить наконец фумигатор. И только намного позже, в разговоре с врачом, я узнал, что достаточно характерными для развития раковой опухоли являются ряд признаков, среди которых – плохая переносимость укусов кровососущих насекомых. В ряде случаев появление одного такого симптома может значительно опережать развитие самой опухоли.

Во время второго курса химиотерапии комары появились у нас в первую же теплую весеннюю ночь. Палату освещал тусклый свет уличного фонаря, я лежал, прикованный к капельнице, у окна и хорошо видел, как серое облачко комаров, миновав открытую форточку, пролетело мимо меня к другим больным, чтобы приступить к своей вампирской вахте. Послышались полусонные чертыханья, энергичные хлопки, над некоторыми койками зажглись ночники, и кто-то сказал: «Ну вот, уже и комары появились, значит завтра будет тепло». А я лежал, прикусив губу, и тошнотворный страх липкой змейкой полз по позвоночнику: они кусают здесь всех, кроме меня, значит, понимают, что от этой крови им добра не будет, она уже совсем ни на что не годна, даже на корм комарам! В любое другое время подобный вывод показался бы мне по крайней мере смешным, но в ту ночь я чуть не умер в постели от страха, взывая к пролетающим гадам: «Укусите меня, пожалуйста, хоть разок, ну что вам стоит, я что тут, самый безнадежный, что ли?» Но мои мольбы были циничным образом проигнорированы. Таким образом, получилось, что первыми, кто огласил мне приговор, оказались эти мелкие кровососущие твари.

* * *

Сомневаясь в том, что журналистка мне позвонит, я ошибался только наполовину. Она и вправду не позвонила, а написала – на визитке был указан e-mail. В письме она выразила надежду, что я еще не раскаялся в своем обещании, и попросила рассказать все, что я знаю о трубках. В ответ я накатал огромный текст, в котором мои собственные познания трубочного ритуала перемежались с обширными цитатами с тематических сайтов и наглыми комплиментами. Заодно я предложил перейти на «ты» и попытался разузнать у моего несостоявшегося интервьюера, давно ли она освоила вторую древнейшую профессию. Перед отправкой я два раза перечитал свое обширное послание, добавил в конце: «Я был рад получить от тебя письмо, пусть даже по делу. Действительно», – и нажал кнопку Send.

«Занесло меня в „Бизнес-Петербург“ совершенно случайно, – словно оправдывалась в ответ Лупетта. – В вопросах бизнеса я понимаю очень мало, зато в вопросах искусства – гораздо больше. Узнать меня можно по инициалам в конце статьи: до журналистского Олимпа мне пока еще очень далеко. Приходится мотаться на выставки, презентации, юбилеи и т. д. К тому же я еще и учусь... Так что жизнь у внештатного корреспондента „Б-П“ очень напряженная. Но бывают и приятные моменты... Например, очень приятно было узнать, что ты нашел для меня столько интересной информации о трубках. Ты мне очень помог. Действительно».

Так начался наш эпистолярный роман, вначале похожий на игру, но со временем распаливший меня не на шутку. С каждым разом письма становились все смелее, но мы при этом, не стовариваясь, даже не заикались о возможности реального свидания, словно жили не в одном городе, а на разных концах планеты.

Первой не выдержала Лупетта. На мой очередной монолог, искрящийся неутоленными страстями, она лаконично ответила: «В виртуальной реальности ты великолепен, но как насчет всего остального? Мир так тесен, так почему бы нам не стать еще ближе друг к другу?»

«Есть! – мелькнуло у меня в голове. – Она уже почти моя...»

Если бы в эту минуту кто-то сказал, во что мне обойдется это «почти», я бы плюнул ему в лицо.

* * *

За время химиотерапии я настолько сжился со своими стеклянными спутницами, что порою кажется, словно мы представляем собой единое целое: причудливый биомеханоид из плоти, стекла и металла, в котором циркулируют разноцветные жидкости. Шли месяцы, один курс сменялся другим, и чья-то невидимая рука привычным движением бесстрастно переворачивала песочные часы, отмеряя очередной цикл моей жизни. Иногда так хотелось, чтобы эта рука забыла о своем ненужном ритуале или чтоб слипшиеся песчинки забили узкое отверстие между колбами, прервав ход времени.

Если прозевать момент, когда одна из капельниц опустеет, из-за перепада давления венозная кровь побежит вверх по гибкой трубке. Как назло, нередко капельницы заканчивались ночью, и я не успевал вовремя прервать обратный ход крови. Ничего страшного в этом не было, просто в целях экономии систему не меняли до конца курса, и потом я Франкенштейновым чудищем бродил по больничному коридору, распугивая пациентов других отделений тремя пунцовыми шлангами, торчащими из груди.

Закон сообщающихся сосудов по сути универсален. Наполняя меня своим содержимым, капельницы жадно всасывали обратно не только кровь, но что-то чрезвычайно важное, чему

я пока не мог подобрать определения. Волю к жизни? Нет, это чересчур помпезно. Энергию? Скучно. А может, душу? Смешно.

Выдавливая из себя по капле раба, следите за тем, чтобы вслед за ним ненароком не выдавился и хозяин (ведь если есть раб, то у него должен быть хозяин, нет так ли?). А то спохватитесь – ан нет, уже поздно, и даже шампанского некогда попросить.

* * *

Я назначил Лупетте свидание шестого октября в шесть часов вечера на Казанском мосту. Для полной inferнальности не хватало еще одной шестерки. С самого утра я волновался. Было непонятно, почему. Ну, девушка... Ну, красивая, пусть даже очень. Явно не дура, дур в Академию художеств не берут. Что еще? По правде говоря, я даже не совсем помнил, как она выглядит, ведь у редакции мы общались всего несколько минут. Спокойно, спокойно... Любви с первого взгляда нет и быть не может, и вообще я в эту хрень не верю. Просто девушка мне интересна, не более того. Она пишет замечательные письма, ну, это скорее профессиональное. Еще что-нибудь, а? Да пожалуй, ничего... А какие планы? Сходим в кафе какое-нибудь стильное, в «Саквояж» или в «Аллигатор»... Кто девушку ужинает, тот ее и танцует. С этим все ясно, что дальше? Ну что – дальше? Мы ведь не марсиане, да? Если все путем, будем вместе... Час, день, два, месяц-другой от силы. На большее меня не хватит, я же одиночка по жизни. И вообще, что это за внутреннее интервью такое? Похоже, с журналистками вредно знакомиться. Она меня, что ли, к этой рефлексии приучила? Я не такой, понятно? Не такой... Никаких планов на будущее, и точка. Может, она вообще не придет. А если придет, наверняка это будет единственное свидание. Одно дело в письмах чувства изливать, а другое – в реале. Но тогда зачем так нервничать? Не знаю... заткнись!

Я всегда очень осторожно переходил улицу, но тут чуть не попал под машину прямо на Невском проспекте. Все из-за этой чертовой рефлексии. Погрузившись в размышления, я рванул через дорогу сразу, как замигал светофор, и умудрился не заметить акулю тень шестисотого «мерседеса», летевшего на желтый. Возмущенный визг тормозов в долю секунды прервал мой внутренний монолог, заставив резко отшатнуться. В груди гулко застучало. Черное зеркало бокового стекла машины плавно поехало вниз, и на меня уставились блестящие скарабеи знакомых глаз. Я уже ожидал услышать мат, но не прозвучало не слова. Человек за рулем словно сосканировал меня, поднял стекло, и чудо баварского автомобилестроения замерло, тихо шипя в ожидании зеленого света прямо на пешеходном переходе.

– Кто же это такой? – нахмурился я, перейдя на четную сторону проспекта. – Явно знакомое лицо, но откуда? Лично его точно не знаю... дизайн нам вроде не заказывал, наверное шишка какая-нибудь, по телевизору где-то мелькал.

Я, как дурак, пришел на мост минут за сорок и теперь убивал время под квакающий мегафон, приглашающий петербуржцев и гостей нашего города на увлекательную экскурсию по рекам и каналам. Мегафонный монолог я почти выучил наизусть и нервно скучал. Навстречу шли скучные одинаковые люди. И среди них – Гений Невского... Гений не в том смысле, что друг парадоксов, а Genius loci, Дух проспекта. Именно так я называл про себя этого высокого худого бомжа средних лет в чудовищно рваном длиннополом пальто, с психоделической гривой нечесаных волос и не менее метафизической бородой. Он никогда не просил милостыни, никогда не выглядел пьяным, а просто ходил уже добрый десяток лет взад и вперед по Невскому быстрым квазибомжатским шагом с совершенно неясными намерениями. Можно было представить, что некогда он был проклят за какой-то ужасный грех на вечное скитание по главной магистрали петровской столицы. Я бы не удивился, если бы узнал, что Гений Невского помнит то время, когда по проспекту летали не вонючие автомобили, а нарядные кареты. И если бы мне еще сказали, что длинноносый классик, написавший 165 лет назад, что тут вы

встретите тысячу непостижимых характеров и явлений, тоже был знаком с персонажем в рваном пальто, я бы поверил и в это.

Регулярно пересекаясь с Гением Невского, я пытался встретиться с ним взглядом, но всякий раз безуспешно... Я был готов к тому, что и сегодня он так же стремительно пройдет мимо, но Гений Невского внезапно замедлил шаг, повернул голову в мою сторону и... подмигнул! Я ожидал чего угодно, но не этого. Казалось, я только что удостоился подмигивания Вечного Жида. Стало смешно и жутко одновременно. И тут за ухом раздался насмешливый голос: «Привет, ты что, меня уже не ждешь?» Это была Лупетта.

* * *

Иногда думаю: а вдруг это никакая не Лимфома, а новый, неизвестный науке вирус, просто маскирующийся под онкологию. И я – первый инфицированный. Пока никто ни о чем не догадывается, но скоро, уже совсем скоро я стану заразным. Не знаю, как это произойдет, достаточно будет подышать на кого-нибудь или чихнуть... А может, все будет гораздо зрелищней? Да, да, как в голливудских фильмах ужасов! А что, очень даже неплохой вариант, гораздо лучше, чем медленно погибать здесь в невысыхающем поту и преющих испражнениях. С дежурно участливым выражением на лице подойдет врач, наклонится, проверит пульс и картинно вздохнет: «Отмучился...» И в этот момент я взвьюсь над койкой восставшим из ада зомби с алым сполохом в глазах и вопьюсь... вопьюсь ему не в сонную артерию, как голимый вампир, а прямо в подчелюстной лимфоузел. Врач истерично завопит: «Снимите, снимите это с меня!» – но все вокруг, толкаясь и падая, ринутся на выход, роняя капельницы, опрокидывая утки с мочой и моля о помощи. В коридоре кто-то истошно заверещит: «Милиция!» – но будет уже поздно. Покусанные первыми лежащие больные тут же обретут недюжинную прыткость и ринутся по палатам, пополняя растущую армию лимфовурдалаков. С чудовищно распухшими шеями и выкатившимися белками они в считанные минуты излечат от недугов всех хворых и убогих с различных отделений. Не нужные более бинты, костыли и капельницы полетят в окна, и веселая команда чудесно исцеленных разбежится по улицам, жадно впиваясь в шейные, подмышечные и паховые лимфоузлы петербуржцев и гостей нашего города. Попытки властей бороться с распространением информации, а не болезни только усугубят ситуацию. Введенные в город войска Ленинградского военного округа будут подавлены превосходящими силами противника, с которыми не смогут совладать даже элитные батальоны, прошедшие боевое крещение в Чечне. Из Китая срочно вылетят эпидемиологи, готовые поделиться свежим опытом локализации очагов атипичной пневмонии. Но тщетно, все тщетно. Инфекция попадет в Неву и, благополучно миновав хлипкие очистные сооружения, заполнит ванны, чайники и стаканы последних не зараженных жителей. Гражданская оборона падет без боя, да и на что тут можно надеяться, когда на месте подземных бомбоубежищ уже давно ночные клубы, а запасы еды в потайных тоннелях метро недоступны из-за озверевших пассажиров. И когда главный врач страны по всем телеканалам будет заверять жителей северной столицы, что ситуация находится под контролем, на него уже некому будет смотреть... Аэропорты, вокзалы и федеральные трассы в спешном порядке перекроют войсками МВД, а в стране наконец-то введут чрезвычайное положение.

Верховный главнокомандующий скрепя сердце отдаст тайный приказ о полной блокаде родного города вплоть до окончательной победы над эпидемией. По роковому стечению обстоятельств, это произойдет как раз в шестидесятилетнюю годовщину той, первой блокады. И над гибнущим в сером мареве градом святого Петра поднимется вечное царство Лимфомы...

На афише одного приключенческого ужастика я как-то прочитал слова: «Смерть – это только начало». Неправда, смерть – это всего лишь продолжение, а начало – это болезнь.

* * *

– Ой, привет... конечно жду, просто на одного бомжа засмотрелся. Он здесь все время ходит, а сегодня почему-то мне подмигнул, – стал оправдываться я в ответ, понимая, что несу какую-то чушь.

С самого начала все пошло не так. У меня с собой была домашняя заготовка – комплиментарная и одновременно ироничная фраза, которая должна была задать тон всей нашей встрече. Но Гений Невского своим идиотским подмигиванием разрушил весь сценарий, выставив меня перед Лупеттой чуть ли не поклонником бомжей, которых я на дух не переносил.

– Все понятно... Ну, куда ты меня поведешь?

– Тут есть одно хорошее кафе неподалеку. Давай туда заглянем, если ты не против...

– Конечно нет. Веди. – И она взяла меня под руку.

Ужасно банально... Ужасно! Я думал, что все будет совсем по-другому. Зачем же тогда было писать такие письма... Если следовать их логике, я должен был ни слова не говоря схватить Лупетту в охапку, затащить ее в ближайший подвал, сорвать одежду и, рыча от возбуждения, предаться животной страсти. Конечно, с ее согласия, я же не насильник какой-то...

Ну зачем врать, понятно, что так не вышло бы ни при каком раскладе. Ты на себя сначала посмотри... Искромётные письма строчить ты, конечно, мастак, но когда дело доходит до практики... Ты можешь привести хотя бы один пример, когда первое же свидание в твоей жизни закончилось постелью? Даже когда девушки сами шли тебе навстречу, ты всегда откладывал момент истины как минимум на несколько дней. «Искусство медлить», да? То-то и оно, искусник... Ну, веди ее в кафе, куда ты там собрался, спроси, что она предпочтет выпить. «Бейлис»? Хороший вкус! Себе тоже возьми немужской напиток, какой-нибудь коктейль. А теперь набивай ароматным табачком трубку, демонстрируй свой любимый ритуал... Затянись как следует, колечки в воздух запусти, пусть она восхитится. Вот так... молодец! Помнишь, что хотел ей рассказать, ничего не забыл? Давай, трави свои байки, ей понравится... Потом она посмотрит на часы, позвонит мамуле, скажет, что скоро будет, ты проводишь ее до подъезда, поблагодаришь за прекрасно проведенный вечер, поцелуешь в щечку и поедешь домой... А может, заглянешь к одной из своих неромантических подруг, которая всегда рада снять с тебя бремя неудовлетворенных страстей, а, романтик?..

Да что же это сегодня со мной творится... Прямо раздвоение личности какое-то, пора к психиатру обращаться. Ведь никогда раньше альтер эго не лезло с таким остервенением в мою личную жизнь. Как будто внутри завелся чертик, который поставил себе целью подначивать меня, пока не доведет до белого каления. Я находился в полной растерянности, и Лупетта, похоже, это заметила...

Не успел я провести и часа с этой девушкой, а она уже действовала на меня как наркотик. Тяжелый наркотик. Тот, на который подсаживаются после первого-второго укола. Все прошлые романы казались баловством с травкой, развлечением. Но теперь я чувствовал, что дело куда серьезнее. Пузатый даун с крыльями обмакнул наконецник стрелы в особо концентрированное зелье, разработанное в секретных лабораториях колумбийских наркобаронов, и натянул тетиву. Меня пробило, зацепило, закрутило и понесло... И я уже не отдавал себе отчета в том, что говорю, творю и вытворяю... Тем более что ничего конкретного я не вытворял. Торчок – он вроде как уже не мужичок...

И самое смешное... мне безумно нравилось это состояние, я ловил кайф от того, что перестал вести себя рационально, радовался, что глупею; даже не могу вспомнить, о чем, собственно, мы разговаривали в кафе. Ее глаза и улыбка, как раскаленным утюгом, разгладили мои мозговые извилины.

Вместо того чтобы расставить все точки над *i*, наше долгожданное свидание рывком отбросило меня назад... Лет на пятнадцать как минимум... Хотя в отдельные моменты можно было подумать, что и на все тридцать. Во всяком случае, на ночь пора было надевать памперс. А ночью пришла ломка.

* * *

Продукты распада раковых клеток, отравляя мозг, дают просто удивительные психоделические эффекты. Особенно ночью. На четвертые сутки курса, когда уже «сидишь» плотно. По самое пикачу. Наверное, по ощущениям это похоже на мескалин или ЛСД. Жаль, что никто не удосужился перед смертью Тимоти Лири задать ему вопрос, что больше вставляет, диэтиламид лизергиновой кислоты или цитостатики. Мне, к сожалению, не с чем сравнивать, но тем не менее... это такое необычное чувство... они медленно-медленно текут по венам... вот... смотрите сюда... вы видите ее, ватсон... одна змейка, а вот и вторая... две ленивые белые змейки и один медленный оранжевый ручеек... оранжевый – это доксорубицин... как там в забытой песенке... где-то у оранжевой речки... сейчас вспомню... доксорубицин, кстати, боится света... бутылку надо обязательно закрывать пакетом... фирменным пакетом жилетт... лучше для мужчины нет... три лезвия... для гигиенического вскрытия подчелюстных лимфоузлов... всего одним движением... без каких-либо усилий... с меньшим раздражением кожи... вскрытие лимфоузлов стало еще комфортнее... режь и пой... режь и пой... реже пой... забытая песенка... как же там... где-то у оранжевой речки... ну да... где-то у оранжевой речки там уже грустят человечки... оттого, что слишком долго нету нас... нас... нет... губами... губами сделай... губами сделай гудбай... на стуле у входа надежду оставь... тропинка плутает обратно в вечность... капельницы медленно крутятся вокруг стойки... как карусели... карусельные лошадки капельниц... покачиваются в полете, тихо позвякивая... динь-дон... динь-дон... и сверкают... как елочные шары... красиво, правда... карусельная лошадка – это такой троянский конь... троянский конь со стеклянной дверцей... дверцей в душевую кабинку... душевую кабинку тела... душевая кабинка тела отворилась... и душа отлетела... полетела к оранжевой речке... здравствуйте, человечки... а вот и я... заждались небось...

– Мальчики, семь утра! Подъем! Всем мерить температуру!.. Так... а у тебя что, снова рыжик убежал?! Ну, сколько можно... опять вся химия насмарку!!!

Оленька называет рыжиком доксорубицин за его оранжевый цвет.

* * *

Хоровод моих воспоминаний за рюмкой водки прервало пиликанье трубки. Голос Лупетты звучал гулко, словно она звонила из колодца.

– Ты еще ждешь или домой поехал?

– Конечно жду, ну как ты там... что он... ты скоро вернешься?!

– Да все нормально, взяла большое интервью, Уранов наговорил на целую кассету. Ты бы видел его квартиру... Два этажа с лифтом...

– Я не понимаю... ты что, еще не идешь?

– Ему позвонили, и он сказал, что срочно должен куда-то выйти... просил меня подождать. Вот сижу здесь одна и жду... Не уходи пока, ладно?

– Ну куда же я без тебя уйду? Ты давай там, быстрее закругляйся.

– Сейчас он вернется, и я пойду. Я даже не знаю, как отсюда выйти, здесь столько комнат и никого больше нет... Непонятно, почему так долго... Надо маму предупредить, чтобы не беспокоилась... Ну ладно, я еще позвоню...

И Лупетта повесила трубку. Я сидел, уставившись на телефон, еще с полчаса, но она так и не перезвонила. Меня начала бить дрожь. Да что же такое там происходит?! Почему она не возвращается, если разговор окончен... Я залпом допил водку и сжал во вспотевшей ладони трубку. Надо было что-то делать, но что – непонятно... Не бежать же, в самом деле, к охраннику в воротах с криком: «Верните мне мою Лупетту!» Я был готов к самому худшему, и в этот момент наконец-то раздался звонок.

– Ну что там с тобой случилось?! – закричал я.

* * *

В больнице каждый убивает время по-своему. Так же как и за ее стенами. Одни читают книги или газеты, другие обсуждают все, что в голову придет, – от политики до урожая на грядке, третьи замыкаются в себе и лежат подключенными к капельницам мумиями, разглядывая потолок. Для меня же единственной отдушиной стал интернет. Вы спросите, откуда в бедной муниципальной больнице, да еще и в некоммерческой палате, мог взяться доступ к всемирной паутине, когда лекарств, и тех не хватает на всех? А никакого доступа не было. Однажды я гулял со своими подружками капельницами по коридору, и в одном из укромных уголков в поле моего зрения неожиданно попала невесть откуда взявшаяся телефонная розетка. Выпросив как-то вечером у Оленьки телефонный аппарат, я с удивлением обнаружил, что розетка исправно функционирует. По всей видимости, когда-то в этом месте размещался пост дежурной, после ремонта стол передвинули в конец коридора, а розетку содрать поленились. Впрочем, я бы не удивился, если бы узнал, что она материализовалась здесь специально для меня, а после моей... после моего окончательного приобщения к виртуальной реальности должна была тихо рассосаться, словно ее никогда и не было.

Перед приведением в действие приговора к высшей мере наказания заключенного всегда спрашивают о его последнем желании. Если бы такой вопрос задали мне, я бы, наверное, даже не знал, что ответить. Что-то, а просьба о доступе в Сеть на пороге вечности может прийти в голову разве какому-нибудь помешанному на компьютерах тинейджеру, но никак не мне. Но, видимо, если гора не идет к интернету, то интернет идет к горе. И поскольку все мои материальные потребности остались по ту сторону Лимфомы, такой выход пришелся как нельзя кстати.

Дело было за малым. Приятель притащил в палату выдавший виды ноутбук и купил карточку доступа. С этого дня я, с нетерпением дожидаясь ночи, хватался за стойку с капельницами, как ведьма за свою метлу, и улетал из пропахшего мочой, лекарствами и порченой кровью гематологического отделения в бескрайние просторы всемирной Сети, где такие понятия, как любовь и смерть, измерялись в байтах, а не в жизнях. О лучшем способе эскапизма в моих условиях трудно было даже мечтать. Один из врачей из другого отделения, дежуривших в ночную смену, был как-то до ужаса напуган, наткнувшись в темном коридоре на позвякивающую стойку с капельницами, словно подключенную к ноутбуку, за которой был даже не виден блуждающий по Сети сгорбленный пациент. Потом мы вместе посмеялись над моей находчивостью, и я дал ему проверить почтовый ящик на Mail.ru.

Если бы мне предложили придумать оригинальную идею для приютов, куда помещают безнадежных раковых больных в расцвете лет, я бы не раздумывая посоветовал основать первый в мире интернет-хоспис, где каждая койка имеет выход в Сеть.

* * *

На несколько секунд в динамике стало тихо, а потом я услышал хорошо поставленный голос взрослой женщины.

– Павел?.. Добрый вечер, это говорит Валентина Владимировна...

Кричал я, оказывается, не по адресу. Звонила мама Лупетты, обеспокоенная долгим молчанием любимой дочери. Минут сорок назад Лупетта тоже позвонила ей, что скоро вернется домой в моем сопровождении, так что беспокоиться незачем, но потом пропала. Мама интересовалась, нет ли у меня новостей. Пришлось извиняться за крик и уверять, что я никуда не уйду до тех пор, пока не дождусь ее ненаглядную.

По телефону с Валентиной Владимировной мы общались неоднократно, но лично представлены друг другу не были. Более того, Лупетта вообще ни разу не приглашала меня в гости, оправдываясь тем, что ей стыдно звать меня в свою ужасную коммуналку с соседями, рыскающими по кишкообразному коридору. Я, впрочем, и не напрашивался, всегда провожая Лупетту «до калитки»...

– Если она объявится, позвоните сразу мне, я очень волнуюсь, – с непонятным укором в голосе добавила мама и отсоединилась.

«А может, еще водки взять? – подумал я уже обреченно. – Похоже, до утра она теперь не вернется... Хороша Маша, да не на...»

Еще один звонок! Опять мама? Лупетта! Голос едва пробивался сквозь громкую музыку.

– Это снова я... Извини, что не перезвонила сразу, просто пыталась дозвониться маме, но у нее что-то занято... Тут такое творится! Ты не представляешь... Уранов сказал, что спешит, и предложил поехать с ним... завершить интервью по дороге... Мы сейчас в казино... У него здесь какая-то деловая встреча, а потом... потом он вернется... Ты можешь ехать домой, он обещал, что его водитель потом меня подвезет... Да не волнуйся ты, все будет хорошо... Завтра позвоню. Целую!

Не знаю почему, но меня добило именно это «целую». Казалось, Лупетту подменили. Меня даже покорило, словно я услышал резкую фальшивую ноту в скрипичном соло. Мы никогда, никогда не использовали это дурацкое слово, поскольку оба ненавидели условности. Даже самый нежный телефонный разговор всегда завершался простым «пока», а никаким не «целую». «Целую»! Кого она там целует?! Неужели *его*? Какая мерзость!

«Вдруг какой-то старичок паучок нашу муху в уголок поволок! – юродствовал злобный бесенок внутри. – Ну что, обоссался, романтик? Жалеешь небось теперь? Раньше надо было жалеть, мил человек, раньше... Ведь ты сам ее на блюдечке с голубой каемочкой ему преподнес. Сам!.. Вот и представляй теперь, как она у него берет... хе-хе... интервью! Ладно, чего уж теперь, напивайся, только маме не забудь позвонить: «Доброй ночи, любезнейшая Валентина Владимировна. С вашей несравненной дочуркой ничего страшного не случилось. Напротив, мы все можем ей гордиться, ведь она сейчас проводит время не с каким-то сопливым сотрудником безвестной дизайн-студии, а с мировой знаменитостью – самим ювелиром Урановым, да еще и в шикарном казино!»

Интересно, сколько надо выпить, чтобы заткнуть свой внутренний голос?

* * *

Химиотерапия Лимфомы основана на применении веществ, повреждающих и убивающих клетки в процессе их деления. Чем моложе опухоль, чем усиленней делятся ее клетки, тем губительнее для нее препараты химиотерапии. Механизм действия современных химиотерапевтических средств сходен с действием лучевой энергии. Оба метода убивают клетку в процессе ее деления. Разница в том, что смертоносные лучи можно направить на очаг заболевания – опухоль или ее метастазы, а химиотерапевтический препарат после внутривенного введения действует на все ткани и органы.

Как и при лучевой терапии, наиболее частым осложнением химиотерапии является угнетение кроветворения. Самый распространенный пример – лейкопения, патологическая реак-

ция организма, при которой содержание лейкоцитов в крови снижается до 1000/мкл. Отсюда и название – leukopenia (leukos – белый, penia – бедность).

Я вступил в братство белых бедняков через неделю после первого курса химии. Сначала я почувствовал слабость и соленый привкус во рту, губы облепили стоматитные мушки, а затем по телу разлилась мертвенная слабость. Я уже насмотрелся на других белых братьев в палате, поэтому успел подготовиться к подобному раскладу. Когда утренний анализ крови подтвердил предварительный диагноз, на мой лысый череп водрузили шапку, укрыли до подбородка одеялом и строго-настрого запретили контактировать с простуженными посетителями и принимать пищу, не обработанную в микроволновке. Но есть уже не хотелось. Я лежал в позе зародыша, изо всех сил сжимая веки, и повторял про себя слова буддистского монаха, которые могли бы стать наиболее подходящим девизом нашего белого братства: «Живя, будь мертв, будь совершенно мертв и делай все, что хочешь, все будет хорошо».

Мертвец и в самом деле волен делать все, что хочет, – поскольку он не хочет ничего. Ничего? Ничего?!!! Но я же хочу, хочу, хочу знать, когда все это закончится!

* * *

Я не помню, как добрался домой. Утро превратилось в настоящую пытку, меня безостановочно трясло, я даже не смог налить себе чаю, не расплескав полкружки. Днем наконец-то раздался звонок. Лупетта была приветлива как никогда. Сказала, что только что проснулась, и спросила, найду ли я для нее сегодня время. Я впопыхах оделся и, полный дурных предчувствий, помчался на randevu.

Хозяйка моего сердца выпорхнула из парадной, привычно подставила щечку для поцелуя и предложила прогуляться. Я старался не смотреть Лупетте в глаза, словно боялся увидеть в них что-то страшное.

– Плохо выглядишь; работал, что ли, всю ночь? – спросила она. И, не дожидаясь ответа, продолжила: – Даже не знаю, с чего начать... Конечно, я не думала, что мы поедем в казино. Оказывается, Уранов там завсегда. Накупил кучу фишек и предложил мне поставить за него. Глупо было отказываться, правда? Ну, я и поставила все фишки на одно число и сразу выиграла... Много, очень много... Я никогда не видела столько денег. Недаром говорят, что новичкам везет, знаешь, меня ведь никто раньше не водил в казино. Теперь я понимаю Достоевского. Ты не представляешь, как это заводит! Когда шарик остановился на моей счастливой цифре, я подумала, что сердце разорвется! А тут еще Уранов сказал, что раз поставила я, то и выигрыш – мой. Я сначала отказывалась, но он умеет уговаривать... Ты бы видел эту сцену. У меня с собой была только сумочка... а тут мне суют пачки долларов, много пачек. В сумку они не лезут, падают на пол, «молния» не закрывается, руки дрожат, кошмар какой-то! Все это было так нереально... словно происходит не со мной. Я чувствовала себя, как на гребне волны. Глупость, да? Потом он пригласил меня на медленный танец, и все смотрели только на нас... Его же все знают в лицо... Вокруг нас кружились пары, но мы почти не двигались, он просто стоял и держал меня за руку... Это было так странно... Что еще? Потом мы сидели в ресторане, я от волнения выпила, наверное, полбутылки «бейлиса», но ни капельки не опьянела. Все время проверяла, как дурочка, на месте ли деньги. А он очень быстро напил... Рюмка за рюмкой... Чего только мне не предлагал... Но я, конечно, отказалась... я ведь не какая-то... К тому же он мне в отцы годится. Я просто сказала, что хочу домой. Но водителю он меня отвезти не дал, сам повез на своем «мерседесе». Так набрался, что еле сел за руль. Гнал как сумасшедший, я была уверена, что мы разобьемся, все время умоляла его ехать помедленнее, а он смеялся, что опытный автогонщик и все будет хорошо... Мама уже ждала у подъезда... я быстро попрощалась и выскочила из машины. Она мне потом, конечно, устроила взбучку, что и говорить... Ко всему прочему оказалось, что ночью ей звонила его жена! Это вообще бред

какой-то... Откуда она узнала мой номер, наверное из памяти телефона, я же от Уранова звонила домой... Она представилась, поинтересовалась, с кем говорит, и вежливо так спросила, не знает ли мама, куда ее муж со мной поехал, дескать, она за него волнуется, потому что он в запое. Мама, конечно, была в шоке. Ждала меня потом на улице два часа... Вот такая сумасшедшая история... Я до сих пор в себя прийти не могу...

Пауза.

– Почему ты так на меня смотришь? Считаешь, что я поступила неправильно? Ну ведь между нами ничего не было, что и говорить. Не молчи, признайся, что ты думаешь? Я же тебе все рассказала!

* * *

Лет пятнадцать назад в антикварной лавке мне довелось открыть учебный атлас психиатрии, датированный 1952 годом. Его разделы были дополнены произведениями известных художников – от Босха до Гойи, – наиболее красноречиво, по мнению авторов, иллюстрирующими клиническую картину того или иного заболевания. Главу «Сноподобные (онейроидные) галлюцинаторные картины» украшала графика австрийского экспрессиониста Альфреда Кубина, работавшего в группе «Синий всадник» вместе с Кандинским. Не знаю почему, но одна безымянная кубинская картинка испугала меня до полусмерти. Изображение было не страшным, а скорее бессмысленным. Но от этой графики, словно кладбищенским сквозняком, веяло иррациональным ужасом. Белый тощий человек... с развевающейся шевелюрой... похожей на длинный колпак... стоя на колесной тележке... будто лыжник с трамплина... летит из темноты по закрученным спиралью рельсам... которые обрываются в бездне...

Наверное, в этот атлас, изданный мизерным тиражом в период расцвета советской карательной психиатрии, его создатели вложили какой-то каббалистический подтекст, не поддающийся логическому осмыслению. Иначе почему маленькая иллюстрация на выцветшей странице произвела на меня куда большее впечатление, чем все картины Босха, Дали, Хельнвайна и Гигера вместе взятые? Белый призрак словно хотел передать мне некую невыразимую мысль, предостережение, но я не понимал зашифрованного послания и от этого еще больше пугался.

В одну прекрасную больничную ночь, галлюцинируя от многодневной бессонницы, я внезапно осознал, что напороочил мне чужак в белом, несущийся на колесе в пропасть. И когда просветление наконец-то наступило, захотелось рассмеяться на всю палату мексиканским смехом, но я решил, что это будет слишком театрально, и просто хмыкнул в подушку. А потом поправил на лысом черепе шапочку-сванку, защищающую от сквозняков, и занялся подкручиванием колесиков капельниц, чтобы выровнять уровни препаратов в бутылках. Эх, как много потеряли авторы медицинских пособий, не надумав выдавать больным, сидящим на жесткой химии, альбомы для рисования. Мы бы им тут такого наизображали, что новое издание учебного атласа психиатрии несомненно стало бы бестселлером.

* * *

Надо было что-то ответить, сказать, что я рад за нее, поздравить с удачным выигрышем хотя бы...

– Любопытное приключение. Но я считаю, что ты зря взяла эти деньги... Кстати, на что ты их собираешься потратить?

– Все забрала мама... Я сегодня хотела походить с тобой по бутикам, выбрать себе какую-нибудь одежду, но мама заявила, что эти доллары станут компенсацией за все деньги, которые она потратила на меня почти за двадцать лет. Обидно, конечно, но... Можно было отдать ей не все, наврать, что я выиграла меньше, но ведь ты знаешь, я не умею. Она сама меня так

воспитала... Впрочем, когда я выходила, мама сказала, что часть этой суммы она собирается отложить на нашу поездку к морю ближайшим летом. В детстве она часто возила меня в Крым, но в последние годы было не до этого... Может, я еще выпрошу у нее что-нибудь, в конце концов это же мой выигрыш, да?.. Ну что ты такой серьезный, прямо как неродной, прекрати дуться, все же хорошо, поцелуй меня и... давай забудем об этой ночи... Договорились?

Я остановился и обнял ее. Поцеловал.

– Я тебе еще не все рассказала. Уранов уже успел позвонить мне сегодня утром и чуть ли не приказал встретиться с ним, как раз в то время, когда мы с тобой договорились. Так вот, я ответила, что не смогу. И что ты думаешь... он бросил трубку, даже не попрощавшись! Из серии – привык получать все без спроса... все, что хочет. Он еще не понял, что не на ту нарвался!

Я, наверное, должен был гордиться моей возлюбленной, которая обвела вокруг пальца похотливого старика. Но никакой радости не было. Единственное, что я чувствовал, – пустота, оглушительная пустота. Даже язвительный бесенок внутри затих, видимо полагая, что сейчас мне не до него. Но почему, почему? Я же мог услышать сегодня совсем другое признание, да я, впрочем, и был к нему готов! К чему скрывать, я ждал, что наша сегодняшняя встреча будет последней, что Лупетта признается мне, что стала любовницей Уранова и он увозит ее завтра на Гавайи или Канары, что между нами все кончено, ведь я никогда, никогда не смогу предложить ей и малой толики сокровищ ювелирного короля! Тем не менее она осталась со мной, а не с ним, предпочтя богатства духовного мира своего рефлексирующего друга золотым горам потенциального любовника... Кто его знает, а вдруг выигрыш в казино был подстроен, может для Уранова с его возможностями это всего лишь хитрый трюк, удочка, на которую попадают доверчивые жертвы? А моя Лупетта оказалась не такой! Наживку проглотила, но с крючка сорвалась. Так надо же радоваться, гордиться моей любовью и ценить ее осознанный выбор! Нужно отпраздновать хеппи-энд этого опасного приключения в ресторане, выпить за то, чтобы Уранов и дальше терпел фиаско в своих облавах на наивных журналисток, за то, чтобы Лупетта всегда делала правильный выбор и никогда не жалела о честности, к которой ее приучила мама... Но ничего подобного я не сказал, а просто повел Лупетту в театр.

Во всем этом было что-то неправильное, но я не мог до конца понять, что именно. Возможно, если бы я был до конца честен с собой, то подумал бы, что слепая любовь к Лупетте заставляет меня ревновать ее даже к самой возможности иного исхода прошедшей ночи. Но ведь это неправда! При всем желании я не способен превратиться в тупого ревнивца из анекдотов, мое самоуважение гораздо выше. Сойдемся на том, что я впервые почувствовал, как фабула наших отношений начинает обретать новое, неведомое мне измерение, для которого ревность – слишком узкое определение. Путь будет так. А то я совсем запутаюсь. Ладно?

* * *

Я никогда не боялся воды. Благодаря родителям, с детства возившим меня на юга, уже в первых классах школы я плавал как рыба, часами не вылезая из моря. Однажды я даже спас своего отца, который чуть не захлебнулся из-за того, что у него неожиданно свело ногу. Папа едва не утопил меня, пока я, отдуваясь и пытаясь, как ньюфаундленд, тащил его на себе к берегу. Один приятель как-то показал мне простой способ борьбы с судорогами: нужно изо всех сил потянуть кверху пальцы ноги и безжалостно пощипать себя за подошву. Мне довелось воспользоваться этим советом несколько раз: прием действовал безотказно. Конечно, в море подобные кунштюки вытворять неудобно, но если приспичит – другого выхода нет. Беда лишь в том, что многие пловцы, столкнувшись с судорогой, поддаются панике и забывают о полезных советах.

Попав в больницу, я понял, что отныне мне судороги на море не страшны. Врач сказала, что даже при самом благоприятном исходе болезни о море и солнце можно будет забыть

до конца своих дней. Но я, как всегда, ошибся. Не с морем, а с судорогами. Первый раз это случилось утром. Я очнулся после недолгого забытья, вскинул голову, чтобы проверить, не «убежали» ли капельницы, и в это мгновение резкая судорога пронзила мою правую ногу. От неожиданности я так и подпрыгнул на койке, едва не своротив капельницу. «Наверное, мне ночью снилось море», – усмехнулся я про себя, привычным движением задрал пальцы, чтобы начать щипать ступню. Однако проверенный способ не помогал, напротив, от шипков судорога только усилилась. Стало не до шуток, и я ужом закрутился под одеялом, пытаюсь лихорадочным массажем унять нестерпимую боль. Единственный ходячий сосед по палате, не вынеся моего зубовного скрежета, отправился за доктором.

– И давно это началось? – наклонилась ко мне Екатерина Рудольфовна.

Но я уже ничего не мог ответить, а только судорожно всхлипывал, глотал заливавшие лицо слезы и лихорадочно дрыгал ногой.

– Потерпи, все будет хорошо. Судорога случается из-за того, что гормональная терапия вымывает из организма магний и кальций. Сейчас навесим тебе еще одну капельницу, и скоро полегчает, – участливо добавила всезнающий врач, погладила меня по щеке и вышла из палаты.

– Ляжем, как продукты в холодильник, – надрывался приемник на соседской койке. – И, обнявшись, нежно там уснем. На прощанье нам больной светильник улыбнется кварцевым огнем!

Я вспомнил, что исполняющая эту песню группа называется «Ногу свело», и засмеялся сквозь слезы.

* * *

Интервью с Урановым Лупетта не стала продавать ни «Бизнес-Петербургу», ни другим изданиям, которые могли бы польститься на откровения знаменитости. Я почему-то с самого начала знал, что так оно и случится. Впрочем, уровень материала мне оценить не удалось: Лупетта почитать статью не предлагала, сам же я из гордости не спрашивал. А микрокассету вместе с диктофоном она упросила отдать ей в бессрочное пользование – для дальнейших журналистских подвигов. Правда, цитаты из монолога ювелира порой мелькали в наших разговорах. Однажды, сидя со мной на каком-то спектакле, она ни с того ни сего бросила: «Представляешь, Уранов признался, что у него было больше женщин, чем кресел в Большом театре». К чему это было сказано, я так и не понял.

В последующие дни мы стали встречаться все реже и реже. Мама Лупетты собиралась в Париж с американским женихом, и они с дочкой почти не расставались. А на меня свалился ответственный заказ – работа, связанная с разработкой макета альманаха российско-японского культурного фонда «Симатта». Президент фонда господин Искандеров опоздал на первые переговоры на полтора часа. Вместо извинений он царственно протянул мне гербовую визитку, из которой явствовало, что мой визави числится советником петербургского губернатора.

Он скользнул по мне равнодушным взглядом и без всякого вступления стал описывать вкрадчивым голосом величие поставленной перед нами задачи. Несмотря на сравнительно молодой возраст, Искандеров выглядел типичнейшим мистерсмитом из популярного фантастического блокбастера. Высокий лысеющий лоб, строгий дорогой костюм, брезгливая карака-тица губ и военная выправка, наводящая на мысль, что он налаживал со Страной восходящего солнца не только культурные связи.

– Повторяю, это очень важный для нашего города проект, – прижав растопыренные пальцы друг к другу, шелестел Искандеров. – Интерес петербуржцев к Японии растет с каждым днем. Мы планируем построить в центре города многофункциональный Дом Японии, а улица, на которой он будет находиться, получит название Японской. Альманах, посвященный планам фонда «Симатта», который вам предстоит сделать, будет напечатан на двух языках: японском

и русском. Его получают первые лица Петербурга и России, а также мои друзья – губернаторы японских префектур. Вот оглавление, все материалы мы передадим вам позже. Вопросы есть? Вопросов нет. Тогда приступайте к работе.

Я многозначительно кашлянул.

Искандеров метнул взгляд на големоподобного помощника, быстро подал мне холеную руку и ретировался. Помощник подождал, пока за ним закрывается дверь офиса, раскрыл кожаный портфель и достал оттуда запечатанный конверт, настояв, чтобы я пересчитал задаток.

«Все в порядке», – сказал я спустя полминуты и проводил голема к выходу. Прощаясь, он старательно поклонился по-японски, что при его двухметровом росте выглядело несколько комично. Все в порядке... О расходах на randevu с Лупеттой в течение ближайшего месяца можно уже не беспокоиться. «Когда нет денег, нет любви», – так, кажется, она мне напевала недавно. В шутку, конечно, в шутку. Но все равно спасибо, «Симатта». Жаль, я забыл спросить у голема, что значит это слово по-японски.

* * *

Я впервые увидел инопланетянина в больничном коридоре в перерыве между курсами химиотерапии, когда шел в процедурную на укол антистафилококкового иммуноглобулина. Уколы были нужны, чтобы потерявший иммунитет организм смог справиться с фурункулами, усыпавшими все тело. Причиняемая гнойниками боль сводила меня с ума, особенно досаждали те, что выскочили на бровях, давя на глазное яблоко. После вскрытия одного из нарывов гной послали на анализ и обнаружили в нем невесть откуда взявшийся стафилококк. По словам Екатерины Рудольфовны, иммуноглобулин, полученный из крови человека, должен был на корню уничтожить эту заразу. В итоге гематомы у меня появились не только на локтевых сгибах, но и на ягодицах.

Пора было делать очередной укол, я направлялся в процедурную и за вторым поворотом коридора наткнулся на него. Я далеко не сразу догадался, что передо мной не инопланетянин, а девушка. Она была очень юна, фактически подросток, но непревзойденный визажист Лейкоз уже хорошо поработал над своей очередной моделью, лишив ее не столько женственных, сколько человеческих черт. Если у меня сохранились, хотя бы частично, ресницы и брови, то у нее на лице волос вообще не было, оно было гладкое, как у куклы с сорванным париком. И фантастически бледное. Невысокий рост, хрупкое телосложение и мешковатый спортивный костюм, скрывающий последние признаки пола, довершали эту безрадостную картину. Но хуже всего дело обстояло с глазами. Очень светлые, почти бесцветные, они таили такую оглушающую пустоту, какую я не встречал в зрачках даже самых законченных наркоманов. В этой больнице я успел навидаться многого, смерть улыбалась мне сотнями своих улыбок, но от такого ее оскала меня впервые прошиб холодный пот.

Вместо косы инопланетная вестница смерти сжимала в руке стойку с капельницами, что делало ее еще мрачнее. Скользнув по мне ничего не выражающим взглядом, шаркающее тапками существо прошествовало в женский туалет и скрылось за дверью. Как ни отвратительно, но я почувствовал, что в этом облике смерти, несмотря на всю его бесполость, скрыт какой-то запредельный эротизм. По-видимому, ударные дозы гормональной терапии уже вершили свое черное дело, пропуская мой мозг через мясорубку подсознательных перверсий. От одной мысли на эту тему меня вдруг резко затошнило, и я едва сдержался, чтобы прямо в коридоре не извергнуть из себя постный больничный завтрак.

Второй раз я встретил инопланетянина несколько дней спустя прямо в процедурной, куда пришел за очередным уколом. Не знаю, что привело его сюда, возможно тоже нужно было сделать укол или заменить капельницы. Белая маска куклы по-прежнему ничего не выражала, и от одного ее вида меня снова прошиб лихорадочный озноб.

– Отвернись, пожалуйста, – обратилась к инопланетянину Оленька. – Мне нужно сделать укол этому молодому человеку.

Прозвучавший ответ поверг меня в состояние ступора.

– Что я, голой мужской жопы не видела? – гортанно протянул инопланетянин низким прокуренным голосом. И смачно выругался.

Я стоял с расстегнутыми брюками совершенно оглоушенный, чувствуя себя бароном Мюнхгаузеном из детского мультика, неожиданно услышавшим отвратительное пение иноземного павлина. Страх и трепет улетучились в один миг. Распаленное воображение в очередной раз сыграло со мной злую шутку, но жизнеутверждающий мат инопланетянина оказался тем холодным душем, которого мне сейчас так не хватало.

– Уходить надо смеясь, смеясь! – твердил я себе. – Только тогда это будет в кайф.

Спасибо тебе, девочка, за этот урок, если ты, конечно, еще жива.

* * *

На вопрос, когда альманах должен быть готов, Искандеров ответил: «Вчера». Спорить с такими заказчиками – себе дороже. После двух суток бессонной работы наши дизайнеры сверстали макет. Оставалось наполнить его содержимым. Я обзвонил авторов, указанных в списке «Симатты», но результаты оказались плачевными. Кто-то не успел написать обещанную статью, кто-то болел, кто-то вообще ответил, что впервые слышит о заказе. Пришлось позвонить по телефону, оставленному големом, и обрадовать его известием о том, что верстать нам, собственно, нечего.

– Как не предоставили статьи? – громко удивилась трубка. – Непорядок. Вы им звоните периодически и напоминайте, что господин Искандеров будет очень расстроен, – на последнем слове в голосе голема появились металлические нотки, – если материалы не будут сданы в срок.

Однако, несмотря на недовольство президента «Симатты», статьи так и не появились. От голема ничего толкового, кроме описания кар, которые ждут нерадивых авторов, добиться не удалось, и мне пришлось приостановить работу над альманахом в ожидании лучших времен. С Лупеттой мы продолжали общаться только по телефону, она ни на шаг не отходила от матери. Я уже почти ненавидел ее потенциального отчима, который невольно мешал нашим встречам.

– Мама будет в Париже уже через несколько дней... Я так не хочу оставаться здесь одна, – с грустью призналась она. – Я не смогу заснуть, если не буду слышать ее дыхание во сне... Стыдно, наверное, об этом говорить, но даже в первых классах школы я засыпала только тогда, когда мама меня держала за руку. Теперь останется только маленький мишка, с которым я сплю с самого детства...

Кажется, это называется инфантильностью. Можно было посмеяться в душе над моей так и не расставшейся с детством любимой. Но я в этом не видел ничего смешного. Напротив, инфантильность Лупетты казалась мне необычайно трогательной.

– Как я завидую твоему мишке... – осторожно ввернул я.

Но казалось, Лупетта меня не слышит, будто разговаривает сама с собой.

– А еще я боюсь, что когда мама уедет, я натворю каких-нибудь глупостей.

Пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы излить переполнявшие меня чувства.

* * *

Перед началом химиотерапии я поинтересовался, можно ли найти связь между Лимфомой и курением трубки.

– Никакой связи нет, – отрезала Екатерина Рудольфовна. – У курильщиков трубок бывает всего лишь рак губы, но это уже не наша специализация.

– А курить во время химии я смогу?

– Сможешь... если захочешь, – добавила она, усмехнувшись.

В первый же день терапии, когда палата наполнилась коммунальным запахом больничного обеда, подхватив одной рукой стойку с капельницами, а другой – кисет с трубочными причиндалами, я отправился на черную лестницу. Интерьер импровизированной площадки для курения состоял из трех переполненных окурками банок из-под консервов и продавленного стула. Поудобней устроившись на нем, я с наслаждением втянул ноздрями запах ароматного Nappa Valley, достал топталку и принялся старательно набивать трубку табачком. Впереди меня ждали сорок минут гедонистического ритуала, но если не торопиться, можно было блаженствовать и дольше. Я очень надеялся на свою маленькую подружку, заботливо выточенную ирландскими мастерами из корня вереска. Кто еще мог поддержать меня здесь в трудную минуту, развеять стойкое больничное амбре, наполнив носоглотку пряным букетом черного Кавендиша, нежного Берли и золотистой Вирджинии, сдобренного фруктовыми полутонами сухого Шардоне. Кто еще мог обвить безрадостные стены гематологических коридоров сизыми лианами, чтобы стыдливо прикрыть дымовой завесой босховские фастфуды наших палат, где пузатые ангелы смерти толпятся в очереди на бесплатную раздачу лимфогамбургеров из разбухших селезенки...

Основательно набив трубку, я на всякий случай проверил тягу и, по-сталински прищурившись, поднес зажженную спичку к табаку, собираясь сделать первую затяжку... Сначала я просто ничего не понял, поперхнувшись дымом и раскашлявшись до слез. «Наверное, слишком разволновался после вшивания катетера», – успокоил я себя, готовясь ко второй попытке. Лучше бы я этого не делал. Ощущение было такое, словно я вдыхаю не изысканный табачный аромат, а невообразимую эссенцию из вони тлеющих потных носков, измочаленных половых тряпок и использованных тампаксов. Я едва сдержался, чтобы не выбросить предавшую меня трубку в лестничный пролет... Но в чем же дело? Может, кто-то жестоко пошутил надо мной, заменив табак? Чушь, я же только что вдыхал его запах из упаковки. А вдруг что-то попало в трубку? Точно, как же я раньше не догадался, надо попробовать другую... Тьфу ты черт, то же самое! Надо что-то делать, я же пропаду здесь без трубки! Я лихорадочно засуетился, запихнул обратно трубочный комплект и, едва не уронив с лестницы стойку с капельницами, заковылял по коридору к врачу.

– Ну что, накурился, Шерлок Холмс? – язвительно встретила меня Екатерина Рудольфовна.

– Нет... не знаю, в чем дело, дым почему-то совсем невкусный...

– Я тебе разве не говорила, что цитостатики резко меняют вкусовые ощущения? Ну, теперь ты и сам догадался. Придется привыкать еще и к новому вкусу пищи, он ведь тоже изменится.

Значит, я не сошел с ума... Это всего лишь законы химии, благодаря которым вкус любимого табака стал мне противен. Как просто, оказывается, вызвать отвращение к тому, что любишь...

* * *

Последний разговор с Лупеттой меня уже не взволновал, как раньше. Всякий раз, когда я слышал ее голос, это было... не знаю даже – как ожог, что ли? А сегодня ничего – пустая усталость. Надо разобраться, в чем дело, пока не поздно. Обязательно надо. По-видимому, одно накладывалось на другое. Сначала эта дурацкая история с Урановым, потом нежелание встречаться со мной из-за отъезда мамы. Сейчас они, должно быть, ходят по магазинам, выбирают

косметику и наряды, чтобы мама предстала перед своим американским воздыхателем во всеоружии. Но я все равно не могу поверить, что Лупетте даже часа для меня не найти. Я разве многого прошу? Мне нужно просто пройти с ней по улице, подышать ароматом ее волос, опрокинуть чарку ее взгляда и закусить вегетарианским поцелуем... Да, это сушие пустяки, но без них я даже не страдаю, а как-то теряюсь... Вот, нашел! Загвоздка в том, что ее магии не хватает надолго. Причем не по ее вине. В волшебной палочке не сели батарейки. Проблема во мне самом. То, что я чувствую, находясь рядом с Лупеттой, настолько противоречит всему моему существу, что после длительного тайм-аута я начинаю подозревать, что это не волшебство, а иллюзия... Иллюзия без будущего.

Но дело не только в этом. Сквозит откуда-то еще, но откуда – не пойму. Может, огни казино настолько ослепили мою любовь, что общение со мной стало казаться ей чересчур пресным? Но она же только что спросила: «Ты ведь меня не бросишь?» Это в расчет не принимается? Все, баста! Похоже, я веду себя как обиженный ребенок. А ведь обижаться-то, собственно, не на что. Наоборот, пора строить планы на следующую неделю, когда Лупетта останется одна. На горизонте маячит переход наших отношений в новое качество...

– Тьфу, даже слушать противно! Тоже мне министр иностранных дел: «переход наших отношений в новое качество». Ты когда-нибудь перестанешь изъясняться столь кучеряво? – очнулся от спячки мой маленький злыдень. – Скажи сразу, что не знаешь, где ты ее будешь трахать. Вы только посмотрите, как устроился к тридцати годам этот паскудник! Все подстилки у него при квартирах, а сам живет с мамой-папой, потому как кормят, стирают и пыль сдувают. Удобно, ешкин кот! Нет, ему этого было мало. Решил на свою голову завести шашни с возвышенной особой... Пардон, пардон, зарпортовался, уже не шашни. Земную жизнь пройдя до середины, мы изволили влюбиться! И все бы хорошо, но вышла незадача. В ее коммуналке доказывать глубину своих чувств неромантично, а в свои палестины с родителями за стеночкой приглашать стыдно. Придется, друг мой, в номера... какие нынче ценники в пятизвездочных отелях, не знаешь? А зря, батенька, зря, ты бы позвонил, поинтересовался, может, всего японского гонорара не хватит на одну ночь с любимой в номере люкс... И поспеши, пока твою Лупетточку снова не пригласили в казино!

Нет! Этот номер не пройдет. Никаких гостиниц. Пока мы останемся друзьями. Тем более, я нутром чувствую, что Лупетта меня воспринимает не как мужика, самца, а скорее как друга, если не подругу. Поэтому и не стесняется говорить со мной о своем маленьком мишке и всяких детских страхах. Лестного, конечно, в этом мало, но есть и свои плюсы. Мне кажется, если рубикон будет перейден, это станет для меня не приобретением, а потерей. Я хочу растянуть до бесконечности познание источника не свойственных мне чувств. Препарировать любовь, распознать все ее оттенки... Само ожидание секса с Лупеттой – уже сексуальней прямого контакта. И это так удивительно! Но если мои ожидания не сбудутся, я никогда не смогу вернуться на исходные позиции.

– Ну ни хрена себе, как завернул! Ты что, совсем с катушек слетел?! И это мы называем любовью? У меня просто нет слов...

– Вот и помалкивай. И так до смерти надоел.

Вечером впервые за последние недели я забрел в кафе, где мы любили смаковать мате. Лупетта всегда заказывала зеленый, а я – черный, более крепкий. Народу, как обычно, здесь было немало, едва удалось отыскать свободный столик в углу. Потягивая из бамбилы густую и терпкую жидкость, я никак не мог разобраться в своих чувствах. Голоса посетителей сливались в невнятный раздражающий гул. Хотелось подвесить к потолку ленту-липучку, чтобы все чужие слова пристали к ней, как назойливые насекомые.

* * *

У Борхеса есть рассказ о поэте, приговоренном к казни в захваченной нацистами Праге. Перед смертью он обратился к Всевышнему с просьбой дать отсрочку на один год, чтобы дописать главное произведение своей жизни. В час расстрела он уже потерял всякую надежду на спасение, стоя у стены под дулами ружей. Но тут капля дождя, упавшая на щеку, неожиданно замерла вместе с расстрельной командой и всем окружающим миром. Молитва была услышана: застывший мухой в янтаре времени поэт получил год на свой шедевр. Записывать пришедшие в голову строфы он не мог, так как не имел возможности даже пошевелиться. Пришлось рассчитывать только на память. Спустя украденный у вечности год автор мысленно поставил последнюю точку в своем опусе, капля поползла по щеке, грохнули выстрелы, и он отправился на суд своего единственного Читателя.

Взявшись за больничные записки, я вспоминал о судьбе борхесовского поэта неоднократно. Мне казалось, я тоже располагаю достаточным запасом времени, чтобы рассказать все, что хочу. Если это была попытка самовнушения, то она с треском удалась. Я с удивлением заметил, что даже чувствую себя лучше, пока пишу. Нет, вру, не лучше. Я вообще перестаю ощущать себя в этот период. А значит, не замечаю и жгучих засосов Лимфомы, судорогой сводящих тело. Так я нашел еще одно доказательство целительной силы творчества – идеальной панацеи от всех страданий. Оставалось скрестить в себе Дюма со Стахановым, писать без остановки и радоваться жизни. Но на самом деле все стало гораздо хуже. В амбивалентной картине моего заболевания появилось ненужное третье измерение – наркотическая зависимость от текста. Причем действие наркотика заканчивается ровно в тот момент, как я перестаю писать. Боль словно накапливается в резервуаре, со злорадством ожидая, когда сможет наброситься на меня с удвоенной силой. Я уже ненавижу этот ноутбук, закрывая который, я заранее сжимаюсь, как собака Павлова в ожидании неизбежного электрического разряда. Но я не хочу, не хочу писать только ради того, чтобы не было больно, слышите! Я так не играю... мне нужно было просто отвлечься, ну что в этом плохого, отвлечься, а не подсаживаться на это дерьмо! Борхес, скотина, ты обманул меня своим эстетским рассказом. Я же помню, твой герой не только сочинял, но и думал о чем хотел, разглядывал солдат, спал, черт возьми, в подаренное ему время. Конечно, в таких условиях и обезьяна напишет «Войну и мир». А каково бы было твоему рифмоплету, мой дорогой Хорхе, если бы в каждую не посвященную творчеству секунду дождевая капля снова начинала щекотать ему щеку? Один раз отвлекся – услышал выстрел. Второй – увидел пули, летящие прямо в морду. И чтобы как можно дольше удерживать их в сантиметре от носа, ты пишешь, пишешь, пишешь без остановки, уже не обращая внимания на фабулу и слог. Как ты думаешь, Борхес, тому, кто выписал творческую командировку, было бы интересно читать такую лабуду? Ах да, я чуть не забыл, ведь мы агностики, а значит, можем издеваться над любым читателем, не опасаясь Страшного суда. Ну что ж, тогда остается переименовать эти записки в «Репортаж с лимфомой на шее» и продолжать весело стучать пальчиками по клавишам, мурлыча себе под нос: *Pleasure little treasure*.

Обжегшись на молоке, дуют на воду. Дуют до тех пор, пока посеявший ветер не пожнет бурю в стакане воды и не захлебнется собственным страхом.

* * *

Из зудящего роя чужих разговоров неожиданно вырвался знакомый голос.

– Ой, Паш, это ты, что ли? Привет!

Инга. Секретарша с моей первой работы. Я не видел ее лет двенадцать. Классический служебный роман. Сладкий капучино после трудовой вахты. Джаз-филармония. Проливной

дождь. Я тоже забыла зонтик. А может, ко мне? Камлание губ на балконе под фотовспышки грозы. Не торопись, у меня давно не было мужчины. Горячо. Мокро. Гром. Дай мне свою ладонь. Послушай, как бьется сердце. У тебя такие красивые руки, как у женщины.

Мы оба ловили осеннюю любовь на дождевых червей скуки. Дожди прошли, лужи высохли, а наша фирма развалилась вместе со служебным романом. Без слез, без скандалов, без глупостей.

– Здравствуй, Инга. Сто лет не виделись, садись. Прекрасно выглядишь... Что тебе заказать?

Хорошо, что обошлось без дежурного поцелуя бывших любовников. Умная девушка. А она почти не изменилась... Сколько ей сейчас, около тридцати? Нет, конечно изменилась, здесь такое освещение, сразу не понять. Честно говоря, я уже начал забывать, как она выглядела раньше. Высокие скулы, внимательные, слишком внимательные глаза, все та же русая челка. Единственное, что ее всегда приземляло, – утиный нос... Нос! Вот те раз! Он стал совсем другой. Да ведь она, похоже, сделала пластическую операцию, а я и не заметил. Теперь нос просто идеальный. Живая реклама пластической хирургии. Но что-то в ней еще изменилось. Постарела? Другое слово. Стала... стала зрелой женщиной. Смотрит на меня. Тоже ищет перемены.

– Ты знаешь, Паш, не надо. Я на секундочку подошла, не ожидала тебя увидеть. Дело в том, что у меня... у меня здесь... встреча, ну, ты понимаешь?

Заливается краской... так же, как раньше. Только нос не краснеет, оставаясь белой вороной на пунцовом лице. Даже удивительно. Интересно, перед операцией ее предупреждали об этой аномалии? «И последний пункт. Пациент не имеет возражений против того, что его новый нос не будет краснеть ни от смущения, ни от алкоголя. Дата, подпись».

– Да все в порядке, на самом деле мне уже давно пора идти, я и так тут засиделся. Рад был тебя увидеть, Инга...

– Тебе и вправду надо уходить? – В ее голосе послышалась благодарность. – Ну, тогда счастливо. Я тоже... я тоже была рада тебя увидеть. Знаешь, ты выглядишь по-другому, глаза другие. Я никогда не думала, что у тебя так изменятся глаза.

– Ну и что случилось с моими глазами? – улыбнулся я.

– Я вижу в них любовь... Любовь... и боль.

Пожалуй, она чересчур умная девушка, думал я, выходя из кафе. В дверях я чуть не столкнулся с интересной брюнеткой в красном кожаном пиджаке. Настолько интересной, что даже решил обернуться, чтобы разглядеть ее повнимательнее. Чтобы заметить, как она поспешит к Инге и они обменяются поцелуями. Чтобы понять, что вижу не подружек, а любовниц... «У меня давно не было мужчины». «У тебя такие красивые руки, как у женщины». И кого здесь оставили с носом?

* * *

– Ты не мог бы вынести мою утку, она уже переполнилась, а сестричка все не идет? – виновато улыбнулся Виталик.

– Не вопрос. Конечно вынесу, давай.

У меня был перерыв между курсами химиотерапии, но домой не отпускали, поскольку кровь никак не могла восстановиться. Ходячие больные разбрелись на выходные по домам, и в это воскресенье кроме меня с Виталиком здесь никого не осталось.

Я всегда ненавидел разговоры на тему «кто от чего помирает», которые постоянно велись в палате. Отгородившись наушниками плеера от внешнего мира, я защищал себя от дурацких вопросов, всем своим видом показывая, что не намерен вступать в маленькое общество анонимных полутрупов. Но когда в палате остались мы вдвоем, мне почему-то стало неудобно

делать вид, что я не замечаю его присутствия, так что поневоле пришлось выслушивать очередную исповедь бегущего от смерти.

Все началось в конце апреля 1986 года, когда Виталика, служившего тогда командиром вертолетного отряда гражданской авиации, подняли с постели, чтобы отправить в срочную командировку куда-то под Киев. Все подробности летчики узнали уже на месте, но отказываться было поздно – приказ есть приказ. Тем более что об истинных масштабах грозившей им опасности никто из ликвидаторов не подозревал. Они совершили несколько десятков вылетов, сбрасывая на взорвавшийся реактор сотни килограммов свинца, доломита, бора и прочего «мусора», заработав при этом щедрые командировочные и не менее щедрые дозы облучения.

Несколько лет после Чернобыля Виталик продержался как ни в чем ни бывало, а потом все же накрыло. Без всяких интродукций. В один прекрасный день он чихнул и потерял сознание. Впал в кому. Рентген показал, что в носоглотке завелся какой-то инфильтрат, врачи заподозрили запущенный гайморит. Из комы его через несколько дней вывели («Я всю кому пролетал, как придурок, на своем вертолете»), «гайморит» вылечили и отправили поправляться домой. Радовался Виталик недолго, спустя месяц что-то защемило слева в груди, хотя на сердце он никогда раньше не жаловался. И снова – в больницу, но на этот раз диагноз был совсем неутешительный: требовалась срочная операция по установке искусственного трехстворчатого клапана, иначе через считанные недели сердце могло перестать биться. «Что за херня? – удивлялся Виталик. – У меня же со здоровьем всегда все было ништяк. А тут одно за другим посыпалось!» О своей краткосрочной командировке он тогда даже не вспомнил, *sancta simplicitas*. По знакомству удалось попасть без очереди к знаменитому московскому кардиохирургу, на операцию к которому записываются чуть ли не за десять лет. Он успешно вшил Виталику клапан, а перед выпиской из больницы посоветовал сделать анализ крови на иммунологию, чтобы исключить самые зловещие подозрения, и постучал костяшками пальцев по столу. Ламинатное покрытие столешницы в кабинете кардиохирурга не смогло заменить собой дерево, и вместо результата анализа Виталик получил приговор – саркома. Требовалась жесткая химиотерапия и пересадка костного мозга, но несмотря на то, что каждый упущенный день уменьшал шансы на спасение, с лечением нужно было повременить, поскольку сердце еще не совсем привыкло к клапану. Тут только Виталик и вспомнил о Чернобыле, стал вызывать по разным городам своих напарников по злосчастной командировке, но оказалось, что никого уже нет в живых. Сдаваться не хотелось. Преодолевая боль, он каждый день выходил на улицу, чтобы «разгулять» сердце. Виталик улыбался сквозь слезы первым распустившимся почкам, каждой щебечущей птахе, гавкающей псинке и мурлыкающему котейке. Раздражали его только симпатичные девчонки на высоких каблучках, спешащие на свидания в соседний сквер. Раздражали вовсе даже не тем, что олицетворяли собой радости жизни, которые были теперь Виталику недоступны. Проблема заключалась в другом: распиленная во время операции грудина срасталась очень медленно, и лишившееся привычной защиты сердце неадекватно реагировало на любой ритмический шум извне, вступая с ним в резонанс. Под звонкий перестук каблучков по асфальту сердечная мышца начинала сокращаться особенно бойко, заставляя пластиковый клапан трудиться с большими перегрузками. Так что едва завидев барышню на каблучках, Виталик спешил укрыться в ближайшем подъезде, чтобы исключить вероятность смертельного резонанса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.